

Розалия Степанчук

**Эта ужасная
и прекрасная
ЖИЗНЬ**

Розалия Степанчук

Эта ужасная и прекрасная жизнь

«Издательские решения»

Степанчук Р.

Эта ужасная и прекрасная жизнь / Р. Степанчук — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-961935-8

Автобиографический роман, позволяющий окунуться в атмосферу конца 50-х — начала 80-х гг. XX века. Перед нами проходит жизнь героини с её победами и разочарованиями.

ISBN 978-5-44-961935-8

© Степанчук Р.
© Издательские решения

Содержание

ШКОЛА	6
ПОДРУГИ	8
СТУДЕНТЫ В КОЛХОЗЕ	11
ПЕРВЫЕ ПОКЛОННИКИ	15
ВИТАЛИЙ. ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ	16
ПРАКТИКА В ТАБОРАХ. НИКОЛКА	19
СВАТЫ	23
РЕГИСТРАЦИЯ БРАКА. НАЧАЛО СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ	25
СВАДЬБА. РАЗОЧАРОВАНИЕ	29
НОВАЯ РОДНЯ	33
ПОЛИНА И МИХАИЛ	35
ОКОНЧАНИЕ УЧИЛИЩА. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ	37
РОЖДЕНИЕ ПЕРВЕНЦА	39
ИХ НРАВЫ	41
В БОЛЬНИЦЕ	43
ЛИЗА И САША	46
РОЖДЕНИЕ СЫНА	49
НИНА И ВОЛОДЯ	51
ПРИЯТНЫЕ И ДРУГИЕ ПЕРЕМЕНЫ	53
ОБИДА	56
КРАХ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ	58
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Эта ужасная и прекрасная жизнь

Розалия Степанчук

© Розалия Степанчук, 2019

ISBN 978-5-4496-1935-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ШКОЛА

– Зоя, Зоенька! Спускайся вниз, пора обедать!

– Слышу, мам! Мне надо дочитать раздел, пообедайте без меня.

Шёл 1959 год. Скоро экзамены за 10 класс, приходится много заниматься, поэтому мама и не настаивала. Спустя час в кухню, как вихрь, влетела стройная русоволосая девчонка с быстрыми озорными глазами. «Ну, как там твои успехи? – поинтересовался Зоин отчим. «Да черепушка уже распухла от знаний, и там теперь настоящий винегрет, пап». Наскоро поев, не обращая внимания на то, что ест, Зоя снова вернулась на сеновал. Однако вовсе не учебник по химии штудировала она. Вчера соседская девчонка дала ей по секрету книгу Мопассана «Жизнь» и теперь, сгорая от любопытства, замирая от стыда и волнения, Зоя углубилась в запретную тему. Она узнала, что такое брачная ночь и как она происходит. «Неужели всё это случится и со мной когда-нибудь? Жуть какая!» Какие уж тут учебники!

Училась Зоя в женской школе, общение с мальчиками исключалось. И хотя недавно ей исполнилось 17 лет, и с 16 лет она ходила в клуб на танцы, парни не обращали на неё никакого внимания, считая её малолеткой, и она танцевала с подружками. И парня у неё не было, а ей хотелось быстрее повзрослеть. «Ну почему никто не замечает, какая я симпатичная, какая тонкая у меня талия. Какие выразительные глаза! А как я хорошо танцую!» Правда эти мысли она держала при себе. Только с бабушкой своей она могла поделиться. А она как-то сказала: « Видишь цветок за окном? Это пока ещё бутон, но пройдёт время, и бутон распустится, и все будут любоваться этой красотой. Ты пока ещё как тот бутон». « Да мне уже 17, я уже вполне взрослая!». А бабушка только улыбалась.

Наконец экзамены успешно сданы, школа позади. На торжественную линейку выпускницам разрешили сделать причёски. Мама накрутила Зое волосы на тряпочные бигуди, и у неё на голове получился ореол из тонких пушистых волос. Голова стала похожа на одуванчик. К выпускному балу, ей сшили белое платье из пике, а на пояс завязали шифоновый бант. О косметике и речи быть не могло, да и не было ни у кого этой самой косметики: только чёрный карандаш для бровей, и тушь, на которую надо было поплевать, чтобы подкрасить ресницы, пудра крупного помола, от которой лицо становилось похоже на маску. Ну и яркая без блеска помада, у всех одного цвета.

На торжественной линейке девчонки переглядывались и не узнавали друг друга. Ведь одинаковая форма обезличивала девушек, а сегодня они щеголяли новыми причёсками, все были непривычно нарядные, красивые, праздничные. У всех было ощущение счастья, полёта, ожидания каких-то важных перемен. Жизнь перед ними, как открытая книга, которую предстояло прочитать. «Я взрослая, взрослая! Я начинаю свой самостоятельный жизненный путь», – Зоина душа была полна надежд и радостного ожидания.

В 10 классе учителя часто проводили с выпускницами беседы о будущей профессии, кому и куда лучше поступать учиться дальше. Зое, например, рекомендовали поступить в литературный институт – она хорошо писала сочинения, была наблюдательной и много читала. Но с выбором профессии у неё проблем не было: она хотела стать воспитателем и работать с ребятами в детском саду. Получив Аттестат, Зоя помчалась в педучилище, сдала документы, а затем и вступительные экзамены. Она стала студенткой. «Мама! Я поступила в педучилище и буду воспитателем. Учиться надо всего 2 года». Мама и бабушка, конечно, обрадовались, и когда вечером отец пришёл с работы, мама с гордостью сообщила ему, что Зоя без их помощи решила свою судьбу, и теперь она студентка. «Ну, молодец! Только как же ты будешь добираться туда и обратно в непогоду или зимой в морозы?» Отец, очень рассудительный человек, ухватил самую суть и был прав.

Педучилище находилось в центре города, очень далеко от дома. От посёлка, где жила новоиспечённая студентка, надо было ехать на автобусе больше часа. А автобус ходил единственный, маленький жёлто – красный ЛАЗ, всегда переполненный, и втиснуться туда не всегда удавалось. Тогда был другой вариант – 3 километра пешком до трамвайной остановки и час до центра на трамвае, а оттуда ещё метров 200 до педучилища. Занятия начинались с 9 часов и заканчивались в 5 – 6 вечера. Отец не зря возражал, но у Зои был решительный характер, и она не боялась трудностей. «Пап, когда я сдавала экзамены, познакомилась с девчонками. Многие из них живут ещё дальше нас. Они тоже как-то будут добираться! А ещё из нашего посёлка – из 6-го барака вместе со мной поступила Люся Галанова, так что мне не скучно будет, вместе веселее. Нам ещё стипендию дадут, если хорошо будем учиться. Так что мне и на дорогу хватит и на пирожки в обед». Что тут было возразить? И Зоя с нетерпением стала ждать начала учебного года. А пока она решила поближе познакомиться с Люсей.

ПОДРУГИ

Люся жила на втором этаже 2-х этажного деревянного барака вместе с матерью и 8-летним братишкой Ванюшкой. Жили бедно: в большой комнате стояли стол, накрытый старой клеёнкой, 3 облезлых стула, древняя железная кровать, на которой спали мать с Ванюшкой, да Люсины раскладушка. Большое, чисто вымытое окно выходило на сарай, поэтому штор на окне не было, зашторивать окно, по мнению хозяйки, было не от кого. Вот и вся обстановка. Да и откуда было взяться другому достатку? Люсины мать, маленькая и невзрачная женщина с потухшим взглядом, растила их с Ванюшкой одна на мизерную зарплату. Она работала в тепличном хозяйстве совхоза, где не было никакой механизации, и всё делалось вручную. Приходилось таскать носилки с землёй, ящики с овощами, вёдра с водой для полива, работать с ядами для борьбы с вредителями и т. д. Тяжкий труд и беспросветное существование убили в ней всякий интерес к жизни. Утешала водка, напивалась она ежедневно, придя с работы, и часто говорила: «Учись, Люська, садик – не теплица, а то, сдохнешь на этой работе, или сопьёшься вместе со мной».

Люся была старше Зои на 4 года, и после окончания школы она успела поработать вместе с матерью на тепличном комбинате, и хорошо знала, как достаётся каждая копейка. Заработав, себе на приличный костюмчик, обувь и пальто, она смогла вырваться их жаркого ада под названием теплица, поступив в педучилище, о котором давно мечтала. Мать и братишку Люся любила и жалела. Всю работу по дому она делала сама: мыла, стирала, готовила еду, братишке она заменила мать, делала с ним уроки, ходила в школу на собрания. Отец её, как и Зоин, погиб на фронте. Всегда спокойная, чернобровая, сероглазая, с гладко зачёсанными назад тёмными волосами, в своём единственном серо-голубом костюмчике – юбке с пиджачком, она сильно отличалась от бойкой и порывистой мечтательницы и фантазёрки Зои. Но это и сблизило их – они дополняли друг друга.

Зоя жила совсем в других условиях. Барачная жизнь и голодные военные и послевоенные годы были забыты. Теперь её семья жила в одноэтажном коттедже на 4 квартиры, где занимала две маленькие комнаты и кухоньку. В квартире была холодная вода и центральное отопление. Был у них отдельный вход, высокое крыльцо и пристроенная веранда – Зоина летняя «резиденция». Кроме родителей и бабушки были ещё 2 малыша, погодки двух и трёх с половиной лет, Зоины братишки. Питалась семья вполне прилично, не смотря на постоянный дефицит продуктов в магазине.

Одета Зоя была по тем временам очень даже неплохо, у неё было целых 2 нарядных летних платья, серая юбка, сшитая по выкройке из журнала «Работница» самой Зоей и батистовая блузка, которую Зоя вышила крестиком на украинский манер. Ноги её украшали жёлтые туфельки с бантиком и небольшим каблукком. В общем, шикарный гардероб, спасибо её родителям с их мизерными зарплатами. Как они выкручивались, кто их знает. Правда она выросла из своего зимнего пальто, но к первой студенческой зиме родители купили Зое искусственную китайскую шубу с муфтой и шапочкой-беретом. Шуба была длинная и широковатая, и Зоя походила в ней на молодую медведицу. Но в те времена такая шуба была для многих пределом мечтаний. А муфту и шапочку она ни разу не надела. Их заменял тёплый платок. Женских меховых шапок народ тогда не носил, денег на такую роскошь ни у кого не было. Женские куртки и брюки вошли в обиход намного позже.

Хозяйственные заботы Зою не обременяли, этим занималась бабушка. Отец иногда намекал, что у дочки должны быть хоть какие-то обязанности по дому, и, как всегда, был прав, но эти намёки пресекала бабуля, говоря «успеет, пусть учится». Вот и получилась идеалистка, книжная девочка, насквозь пропитанная максимализмом юности. Но она-то этого не осознавала! И жила, как и многие её сверстницы. Семья была хорошей, всеми в посёлке уважаемой

и Зоя не могла этого не видеть, это был для неё образец для подражания на всю оставшуюся жизнь, хотя она этого тогда и не понимала. В их маленькую квартирку, где и самим-то было тесно, постоянно приезжал кто-нибудь из родственников.

У мамы было 2 брата с семьями и тётя в Ленинграде. У отца – двоюродная сестра с сыном. И всем они были рады. Отчима Зоя стала звать папой, когда родился первый братишка. Как раз в то время отец бросил курить, а спиртным-то он никогда не увлекался.

Вечерами семья смотрела телевизор – ламповый «Рекорд» с маленьким экраном и не надёжной антенной. Программ тогда было мало и канал только один. Тематика передач в основном агитационная: о передовиках производства, о соревновании, о пятилетках и т.д., а после визита Н.С.Хрущёва в Америку – о кукурузе, «царице полей». Но программу Время и Голубой Огонёк все ждали с нетерпением, и смотрели с удовольствием, если удавалось лучше настроить телевизор. И всегда, и дети, и взрослые – смотрели замечательные советские мультфильмы.

Интересное время переживали жители Советского Союза. При всеобщем дефиците, тяжёлом труде и низкой зарплате, им было чем гордиться за свою Родину. 1959 – год знаменательных событий. В начале января с Байконура был запущен космический аппарат Луна 1 – «Мечта». Наша страна первая вырвалась в Космос, преодолев земное притяжение. Радиолюбители ловили сигнал, посылаемый спутником, в ясную погоду можно было без всяких приборов увидеть маленькую звёздочку, которая быстро перемещалась по небу. Фидель Кастро пришёл к власти на Кубе и тоже решил строить «светлое будущее для народа». По радио и телевидению одно событие тут же сменялось другим, не менее интересным. Чего стоил визит Н. С. Хрущёва в Америку и его встречу с Эйзенхауэром и его обещание догнать и перегнать Америку и показать ей Кузькину мать. А инцидент с ботинком на трибуне Белого Дома! И ведь верили, что догоним и перегоним. Обсуждали это, стоя в километровых очередях и переполненном городском транспорте, устраивали диспуты, проводили политинформации. Все знали, что «это поколение будет жить при коммунизме». Ну как было не гордиться своей Родиной!

В этом же году была проведена перепись населения по всем союзным республикам. Особое внимание уделялась учёту народов и народностей в составе союзных республик. В то время СССР был мощной державой. Правда социальная сфера в нашей стране всегда была на последнем месте, поэтому посмотреть, как живут люди в Америке, хотелось всем. И такая возможность представилась.

Летом 1959 года на ВДНХ приехала из Америки выставка товаров народного потребления. Наши люди простаивали нескончаемые очереди, стремясь увидеть это чудо, и они его увидели: посудомоечные и стиральные машины, пылесосы, холодильники, миксеры и блендеры, наборы посуды, постельного белья, одежду. Автомобили! И ещё много всего, о чём наши люди могли только мечтать. Выставку посетили три миллиона советских граждан, и для них это было потрясением: слишком большой контраст с окружающей действительностью. Но жить-то придётся в наших условиях! Тут как раз вышло постановление о начале шестой пятилетки, названной семилеткой. Кругом появились плакаты «Выполним семилетку в 4 года!» – вот так! И забудьте про Америку и их сказочные товары народного потребления. Зато у наших граждан того времени случалась долгожданная причина для радости: скопили денежки на стиральную машинку «Белка», 60 рублей, откладывая года два с половиной, по 2 -3 рубля в месяц в укромное место, в банк такую сумму не понесёшь, поэтому простые люди о вкладах в банке и не помышляли. А тут и очередь по списку в рабочкоме подошла. И вот она радость! «Белка» уже стоит в положенном ей углу у законного хозяина. Теперь не надо стирать на ребристой доске, согнувшись над корытом. Правда, машина эта не была совершенством, она рвала и быстро изнашивала бельё. Да ещё стиральный порошок тогда был только один – Лотос, от которого страдала кожа на руках, а бельё отстирывалось плохо. Или достали кусок колбасы к большому празднику – опять радость. Колбасы тогда было мало, но она была настоящая!

К таким же ожидаемым радостям относились и холодильники, и пылесосы и другая домашняя техника. Как говорится, без проблем у нас только с проблемами. Слово «достали» само по себе вызывало удовольствие, так как оно означало, что удалось вырвать из лап дефицита что-нибудь очень нужное или вкусное.

СТУДЕНТЫ В КОЛХОЗЕ

Вот и кончилось лето 1959 года, пришла пора учиться. Но оказалось, что учиться студентки начнут не сразу: на весь сентябрь первокурсниц отправили в отдалённый колхоз копать картошку. Не всем это понравилось, ведь осень на Урале холодная, с дождём и снегом, а в деревне и так-то грязь несусветная, а на поле по пуду глины на каждом сапоге. Сапоги не все догадались надеть, а у некоторых сапог просто не было. И одеты были многие слишком легко для работы в поле, поэтому две студентки просто сбежали.

Зоя с Люсей экипировались, как следует – Люся, исходя из личного опыта, а Зоя под руководством отца. На первый курс набралось 5 групп – более 100 девчонок. Это было собрание незнакомых друг другу людей. Здесь им предстояло познакомиться поближе, и сплотиться в коллектив. Многие впервые оказались без родительской опеки. И почти все не привыкли к физическому труду.

В первые дни девушки ходили, как стадо овец, за своей классной наставницей, у каждой группы – своя наставница. И наставницам тоже предстояло жить и работать вместе со студентками, а значит, им представилась прекрасная возможность поближе узнать своих подопечных в полевых условиях. Зоя с Люсей оказались в пятой группе. Их классный руководитель, Фира Адамовна, оказалась молодой художавой женщиной болезненного вида. Правда, все 5 преподавательниц жили в отдельном классе, и это было хорошо для всех.

Группы распределили по разным участкам, определив фронт работ. Кормить обещали в колхозной столовой для механизаторов два раза в день – утром, в 7 часов, поэтому на завтрак поначалу ходили не все – трудно было так рано проснуться, чтобы встать, умыться и поспеть на завтрак в колхозную столовую к 7 часам. Но так было только в начале сезона уборки. После работы на воздухе без завтрака, у любительниц поспать так подводило животы, что голодное урчание могло быть услышано и за пределами поля, поэтому, многие труженицы полей тащились утром в столовую с закрытыми глазами, держась за подружку, и досыпая на ходу. Обед – в 2,30, а ужин за свой счёт – из сельпо. Что такое сельпо тех лет знают все, кто жил в то время.

Вечером жутко хотелось поесть, особенно после танцев. За месяц пребывания в колхозе студентки смели с прилавка всю кильку в томате, получив стойкую неприязнь к этому продукту на всю оставшуюся жизнь. Выручали ещё плавленные сырки по 12 копеек, которые никто из деревенских жителей, не покупал. В этих сырках вряд ли был сыр, но других продуктов в сельпо не было. Слипшаяся в комок дешёвая карамель подавалась к чаю. Ну и хлеб, который заменял булки, и печенье. Бывают моменты в жизни, когда и простой хлеб кажется лакомством. Не на курорт чай приехали! Правда хлеб был местный – из колхозной пекарни – всегда свежий, очень вкусный и без добавок. После обеда девчонки засовывали хлеб в карманы и подъедали его между обедом и ужином. После работы на свежем воздухе о диетах не думали, да о них в то время никто и не знал. Жить определили в школе. Куда девались школьники, никто не спросил.

На первом собрании председатель колхоза спросил: «Кто из вас умеет ездить на лошади?» Все промолчали. Тогда Зоя подняла руку. Ездить на лошади она давно научилась, когда приходила к своему приятелю – конюху Ромке-цыгану. Он разрешал ей кататься на лошади, которая застоялась. И Зоя, и лошадь, были вполне счастливы, носясь галопом по кромке леса и вдоль дороги. Лошади у Ромки были сытые, ухоженные, они не работали, а возили начальство в особых санях зимой или в пролётках летом. Служебными машинами в то время начальство избаловано не было, а личных машин не было ни у кого.

Зоя ездила на лошади без седла – на широкой и гладкой спине и так было удобно. Так «опытная наездница» попала в бригадиры. Всё время, пока девчонки работали в поле, больше закапывая, чем выкапывая из глины, ледяной и мокрый урожай, она моталась по полям на своей средних лет кобылке, ведя учёт выкопанной картошки.

Лошадку, которую дали Зое, звали Маруська. Конечно, лошадка была не такой сытой и ухоженной как у Ромки, но доброй, смиренной и выносливой. И Зоя с ней вскоре подружилась. Приходя в конюшню, она всегда приносила своей Маруське кусок хлеба с солью и та, завидев свою наездницу, фыркала и мотала головой, приветствуя её. Имела ли лошадка голос, Зоя так и не узнала – та ни разу не заржала, здороваясь с ней. Маруська не ходила под седлом, это была обычная работяга. Карьера её была не завидной: летом она возила бочку с водой для полевых рабочих, а зимой – навоз с фермы на поля. Но теперь, Маруську повысили в должности, и она стала верховой лошастью. Только как же далеко ей было до Ромкиных скакунов! Она была худая, и хребет её выпирал, как горный отрог.

Конюх, оглядев Зою, прогудел: «Как же ты будешь ездить-то? Отобьёшь то, на чём сидишь – парни любить не будут». Зоя промолчала, что она могла ответить – ни возразить, ни согласиться. Как пошутил один юморист – в реальности всё получилось не так, как в действительности.

Конюх приспособил на Маруськину спину старую телогрейку, но она не очень помогала, норовя съехать в сторону. Чтобы удержать телогрейку на лошадином хребте, требовалось немало усилий – приходилось постоянно сжимать колени, а такое упражнение даром не проходит. Вместе с телогрейкой могла свалиться и Зоя. Можно себе представить, как бы она тогда взбиралась на свою лошадку, посреди поля и без подруги!

Привыкшая ходить шагом, Маруська понятия не имела что такое галоп и в случае Зоиног понукания, Маруська делала вид, что бежит. При этом она передвигалась такой мелкой рысью, что Зоина голова готова была оторваться и скатиться в грязь, а завтрак настойчиво просился наружу. Впрочем, шагом они не объехали бы поля и к вечеру.

К концу рабочей смены у Зои болело всё тело. Особенно ноги, поясница и копчик, и она ходила, как старый кавалерист или бывалый матрос – широко расставив ноги. Но постепенно горе – наездница приспособилась к такому способу передвижения, и лошадка, стала лучше её понимать. Правда, от Зои несло конским потом, и за месяц он въелся так, что никакие духи не помогли бы, да у неё и духов то не было.

Дело пошло. Но тут накатила другая проблема – Через неделю девчонки были похожи, на немых трубочистов, которым, стыд и срам. В деревне работала баня с парилкой. Но копателей картошки было больше ста человек, а баня работала не каждый день, и в ней были очереди из местных жителей.

Теперь к Даниле Петровичу пошла одна из преподавательниц. Договорились, что для студентов выделяют один банный день в неделю, воду им подвезут, а топить и убирать студенты будут сами. Это оказалось не так уж просто – ни у кого не было опыта работы с нагревательным котлом, и таскать вёдра с водой охотниц не нашлось. Кончилось дело тем, что каждая группа вскладчину покупала бутылку водки по очереди, и баню за бутылку согласился топить один из колхозников. Он же и воду таскал. Зоя ещё раз убедилась, что всегда можно найти выход из положения, главное не бояться проблем – пусть они тебя боятся!

Банного дня все девчонки ждали с нетерпением – ведь банный день, был желанным выходным. В это время баня работала целый день – перемыть такую ораву – дело не простое. А уборка урожая шла своим чередом. Перед началом работы трактор плугом выворачивал наружу рядок с картошкой, оставалось только её собрать.

Фира Адамовна страдала от работы в поле даже больше, чем студентки, и примером трудового героизма она служить никак не могла. Вместе со всеми она понуро плелась в столовую, потом в поле. Её печальные глаза в красных веках ни на ком не задерживались. Простуженный мокрый нос, доставлял ей много неприятностей, ведь его надо было поминутно вытирать, грязной рукой. На поле она ни во что не вмешивалась, никого не пыталась убеждать и воспитывать, просто вместе со всеми делала вид, что активно собирает картошку.

Группы соревновались. Но не шибко переживали из-за низких результатов – они на них вообще чихали в буквальном и переносном смысле. Кстати, ни одного колхозника на поле ни разу не видели. Работали до 2-х часов, т.к. позднее начинало смеркаться, затем шли на обед. Кормили их неплохо. Отогревшись и наевшись, все стали интересоваться: а где же механизаторы? Неплохо было бы организовать танцы. Но, к их разочарованию механизаторы оказались солидными людьми и были давно и всерьёз женаты.

Самые активные девчата пошли в клуб, и увидели обширное помещение без окон, заставленное деревянными скамейками, без спинок. Напротив – сцена. Клуб служил местом для собраний и заседаний, для проведения выборов, а также, для показа фильмов для населения. Зимой клуб не отапливался, а согревался дыханием множества зрителей, но тогда дышать там было нечем, вентиляция строителям клуба или казалась ненужной роскошью, или они о ней ничего не слышали.

Усталость у девушек как рукой сняло, на то она и молодость. Должна же быть молодёжь в селе! В клубе оказалось 2 пластинки и древний патефон. Одна – Величание К. Е. Ворошилова, вторая – марши в честь Будённого и первой конной Армии. «Ну, марш первой конной – это для тебя», – подшучивали девчонки над Зоей, и она хохотала вместе с ними. Но Зоя и не думала сдаваться. Она пошла к председателю колхоза, солидному пожилому мужчине: «Данила Петрович, после нелёгкой, грязной и непривычной работы девчонкам требуется активный отдых, а то и картошку будет копать некому, двое уже сбежали, сбегут и остальные, и останется ваша картошка под снегом. Клуб у вас не работает, но есть выход – просим Вас назначить баяниста за трудовни, чтобы он играл с 6 до 9 вечера ежедневно. Это же всего на месяц». Он, подумав, согласился.

Взяв в школе большой лист ватмана, одна из девочек крупно и чётко написала, что ежедневно, с 6 до 9 вечера, в клубе будут танцы, приглашаются все желающие. В клуб ходили не все девушки. Были и такие, которые, поев, ложились на свою раскладушку, и валялись на ней до следующего утра. Но такие были в меньшинстве – особо избалованные. Не ходили и преподаватели.

На следующий день в клуб пришёл баянист, пожилой мужчина слегка под хмельком. Зоя подошла к нему и спросила: «Как Вас зовут?» – «Когда был молодым, звали Пашкой, а когда сыновья выросли, стали звать Иванычем. Так что зовите, как вам понравится» – «Мы будем называть Вас Павел Иванович» – «А как тебя-то кличут? Бойкая ты такая, небось, от парней отбоя нет?» – «Если бы!» – вздохнула Зоя про себя.

Вскоре начала собираться местная молодёжь. Сначала пришлось всем вместе убрать скамейки, и сложить их штабелем около сцены. Парни стеснялись подходить к городским девчатам, хотя те совсем не отличались от деревенских ребят.

В клубе было холодно, да и переодеться особо было не во что, так что девчонки пришли на танцы в свитерах или кофтах, шароварах и в сапогах. Девчонки танцевали, а парни подпирали стены. Пришлось взять инициативу в свои руки и объявить белый танец. С трудом удалось отодрать от стен застенчивых парней. Но лиха беда начало и скоро веселье было в разгаре.

А баянист оказался на высоте – очень хорошо играл, хотя как потом выяснилось, «под хмельком» – это его нормальное состояние, впрочем, это никого не волновало. А тут ещё одна из девочек предложила организовать весёлые игры, как массовик-затейник. Вечер пролетел слишком быстро. И теперь все с нетерпением ждали следующего вечера, особенно местные ребята. И трудиться девчата стали лучше, появился стимул в лице местных парней – они приходили на поле помогать своим подружкам. И погода неожиданно установилась вполне сносная. Время пролетело быстро. Срок трудового десанта закончился, и девчата собрались домой. Им объявили благодарность и сообщили об этом в педучилище. А в деревне осталось немало разбитых мужских сердец.

С 1 октября начался учебный год. Зою выбрали старостой группы. Она не возражала – общественные нагрузки были для неё привычны. Да и чувство ответственности было чертой её характера. Училась Зоя с удовольствием, ведь она хотела стать хорошим воспитателем. А у Люси дела шли не так хорошо. Она мало читала, насчёт её эрудиции и заикаться не стоило, лексикон бедноватый, поэтому ей было трудно излагать свои мысли. Многие ей были непонятны. Зоя помогала ей, как могла, но, как говорится, если нет ума, то не добавишь.

Время уроков и занятий в мастерских пролетало незаметно. На улице уже темно, а до дома ещё очень далеко. Хорошо, что автовокзал был близко, только дорогу перейти. Там они и узнали, что билет на автобус можно купить заранее. Это меняло дело. Приехав в город пораньше, они по очереди покупали билеты на 6 часов вечера и без проблем добирались домой. Правда никто не указывал места, и автобус брали штурмом, хоть и с билетами, поэтому Зоя с Люсей, не принимая участия в штурме, и заходя в автобус в числе последних пассажиров, всегда ехали стоя. Но это были мелочи: насидевшись на занятиях, они рады были и постоять. Ах, молодость! Стоя едешь в переполненном автобусе, а настроение прекрасное и смех разбегается без причины. Никакие неудобства не мешают жить, никаких препятствий не боишься! А как хочется любить и быть любимой!

ПЕРВЫЕ ПОКЛОННИКИ

Зоя чувствовала, что-то в ней изменилось. Она стала ловить заинтересованные взгляды парней. На танцы они с Люсей и другими подружками ходили в деревню за 5 километров. И там уже не было отбоя от ребят, желающих пригласить её на танец, и стоять в сторонке ей не приходилось. Всё пело в ней, она была довольна собой, своею внешностью и вообще жизнью, а жизнь казалась вечной. Парня так и не было, да и ладно, и так не скучно.

Со временем они с Люсей стали замечать одних и тех же пассажиров, и ловили на себе их настойчивые взгляды. С одним из них они даже познакомились. Его звали Толя из города Новоуткинска. Он напросился к ним в гости в выходной день. Зоя не могла пригласить его к себе, тогда его пригласила Люся. Он был старше них, но по возрасту вполне подходил Люсе.

На следующий выходной Ванюшка прибежал к Зое и сказал, что Люся её ждёт. Зоя догадалась, что приехал Толя, и не заставила себя ждать. Когда она пришла, гость уже выкладывал на стол угощение: бутылку вина, селёдку в газетке и кулёчек каких-то конфет к чаю. Люся уже чистила картошку, а Зоя взялась почистить селёдку. Она достала её из газетки и, надрезав кожу возле головы, начала её обдирать. Толя, увидев это удивился: «Кто же так чистит селёдку? Её надо чистить с хвоста». Зоя улыбнулась и сказала: «Надеюсь, что Вы не накажете меня, как Ваньку Жукова из рассказа Чехова?» Толя смутился и почистил селёдку сам.

Вино чуть пригубили – Зоя к вину не привыкла, а Люся в принципе была против выпивки, слишком яркий пример был у неё перед глазами. Зато картошки с селёдкой поели с удовольствием. Поговорили, пошутили и разошлись. Больше они его не видели. Незавидные получались из них невесты: обстановка у Люси – голь перекатная, а Зоя слишком молода и строптива. Так что не стоит тратить на них время, так они и поняли, и больше о нём и речи не было.

В следующий раз от нечего делать разговорились с дядькой, который вот уже который день не спускал с них глаз. Его звали Афанасий, работал он в геологоразведке, часто ездил в командировки, поэтому до сих пор не женат, хотя ему уже 27 лет. По мнению Зои, он был уже старик, да ещё имя у него такое редкое – Афанасий. И тут неожиданно при следующей встрече он вдруг пригласил Зою в гости к себе домой. Жил он недалеко – на следующей остановке. Зоя ответила, что одна не пойдёт. «Так приходите вместе с Люсей, я только рад буду». И они пошли.

Афанасий встретил их на остановке, он заметно волновался. Когда девушки вошли в квартиру, они растерялись от неожиданности: за праздничным столом сидели гости. Оказывается, они попали на день рождения Афанасия, но он не сказал об этом и поставил их в неловкое положение. А гости, тем временем, стали уделять девушкам повышенное внимание, разглядывали их, переглядывались, перешёптывались, нахваливали именинника. При этом, почти всё время обращались к Люсе, явно отдавая ей предпочтение. И сообразительная Зоя поняла, что они попали на смотрины, и выбирают в невесты точно не её. Она тихонько выбралась из-за стола, оделась и пошла домой, посмеиваясь про себя и желая Люсе удачи.

На следующий день они с Люсей хохотали от души, когда она рассказывала, как расстроился Афанасий, когда обнаружил, что Зоя ушла, и гостям тоже было неудобно, когда он внёс ясность. Вот такой казус. Посмеялись и забыли. Вот так и жили – то удачи, то разочарования. Случайные мимолётные знакомства.

ВИТАЛИЙ. ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ

Учёба в училище шла своим чередом. На первом курсе назначили стипендию 18 рублей. По тем временам, когда автобусный билет стоил 5 копеек, а трамвайный 3 копейки – это были неплохие деньги. Для сравнения: в тот период оклад няни в детсаду был 30 рублей, воспитателя – 45 рублей в месяц.

Особенно привлекала Зою еженедельная практика в детском саду и та особая атмосфера уюта и мира. Детские голоса она воспринимала, как музыку. Больше всего ей нравились малыши с 2-х до 4-х лет. Она бы обняла их всех и сидела бы с ними, как курица с цыплятами. У малышей хорошо развита интуиция, и они тянулись к Зое, обнимали её, охотно общались с ней, влезая к ней на колени.

Дома её ждали малыши такого же возраста – её братишки. Зоя любила малышей. Старший Саша – был крепыш, светловолосый и голубоглазый, как мама, а младшенького – Славика, жалела. Ему не повезло с самого рождения. Сначала его обмотала пуповина, и его с трудом оживили. Ему не исполнилось и месяца от роду, а он перенёс уже 2 операции – гнойный лимфаденит. Потом у него обнаружили аденоиды, и он не мог нормально дышать, поэтому ротик его всегда был приоткрыт. Но малыш был добрый, ласковый и забавный.

В конце первого полугодия Зою сфотографировали для Доски Почёта. Родители и бабушка могли гордиться ею, и это было приятно.

Приближались зимние каникулы, и Зоя вернулась в кружок художественной самодеятельности при совхозном клубе. Начали готовить праздничную программу. И тут Зое предложили спеть песню о Ленинграде дуэтом с Виталием Кадниковым. Он недавно вернулся из армии, прослужив там 3 года. Зоя присмотрелась к нему и удивилась – он очень походил на артиста Вячеслава Тихонова, такой же чернобровый, сероглазый и овал лица приятный. Одним словом, симпатичный, хотя и ростом невысок. Дуэт у них не получился, так как пели они в разных тональностях. Но молодые люди заметили друг друга и начали общаться.

Виталий был на 5 лет старше Зои. Он работал токарем на заводе. Зоя знала, что живёт он с матерью на землянках. Землянки эти она видела только издали. На работу и обратно Виталий ходил мимо дома, где жила Зоя. Отец Виталия умер в 1943 году от язвы желудка. Три его сестры замужем. У всех имеются дети. Сёстры с семьями живут отдельно. Сходили в кино и посмотрели «Балладу о солдате» с Владимиром Ивашовым в главной роли. Зоя обливалась слезами, оплакивая судьбу героя фильма, и вспоминая своего отца, погибшего на Курской дуге в 27 лет.

Когда вышли из клуба, Зоя, вся заплаканная, прижалась к Виталькиному плечу, а он обнял её и поцеловал. Хорошо, что уже стемнело – они стояли, обнявшись, и целовались, и отпускать друг друга им никак не хотелось. Всю дорогу до дома – 3 километра, они то и дело останавливались и целовались. Губы с непривычки опухли, но слёзы давно высохли. «Вот кого я ждала, и дождалась, наконец!» – думала Зоя.

Она шла домой и боялась, что её родные всё заметят. Но заметила только бабушка, ведь они спали в одной комнате. Зоина раскладушка стояла рядом с бабушкиной кроватью. Пришлось ей всё рассказать. Она выслушала Зоины восторги и заметила: «Только смотри, не надевай глупостей, тебе надо будет замуж выходить. Ты же не хочешь оправдываться всю жизнь перед мужем». Это была правда. В то время с этим было строго: до свадьбы ни-ни, невеста должна быть целомудренной. С этим справляться было трудно – гормоны бушевали во всю, но закон есть закон, приходилось сдерживать и себя, и приятеля.

Учёба отнимала много времени. Встречаться они могли на кружке и в выходной день. Несмотря на это, их роман развивался бурно.

Новый 1960 год встречали в клубе вместе с кружковцами. Было очень весело. Накрыли праздничный стол вскладчину. Каждый принёс то, что мог. Стол выглядел бедновато: в основном это был винегрет, солёные огурцы, картошка, хлеб, вяленая рыбёшка и другая дребедень. Но это никого не смущало, это поколение привыкло к простой пище, и на разносолы никто не рассчитывал. Было и вино – по бутылке с пары, кому не хватило, изыскивали другие возможности. Чай пить никто не собирался, поэтому ни стряпни, ни конфет никто не принёс. Была у них настоящая ёлка, и свой дед Мороз и Снегурочка.

Диалог между дедом Морозом и Снегурочкой не был похож на тот, что они вели на детских ёлках, поэтому взрослые дяди и тётки хохотали над их остроумными шутками. Пели песни хором и соло, рассказывали анекдоты, плясали под гармошку, орали частушки, потом танцевали под радиолу. Обнимались и целовались, когда ненадолго выключали свет. Потом пошли на горку. Парни где-то раздобыли большие сани, и давай возить на них девчонок. От смеха сводило скулы.

С ними была и Люся. Она недавно пережила любовную драму: познакомилась на танцах с солдатиком из Днепропетровска, он наобещал ей горы золотые, а потом уехал и забыл о ней. Типичная история. Недаром говорится, что нет таких грабель, на которые бы не наступала нога человека. Горькую обиду за такое предательство пережила подруга, но изменить уже ничего было нельзя. Хотя, время и не такое горе, лечит.

Оказалось, что Виталик прекрасно танцует и неплохо поёт, а Зоя со своими габаритами – рост 158 см и размер 42—44, летала в танце, как птица. Было кому теперь оценить и её очень тонкую талию и выразительные глаза. Она была счастлива и уверена, что это и есть любовь.

После Нового года Зоя и Виталий формально стали считать себя женихом и невестой. Они никому об этом не говорили, но все и так это понимали, глядя на них. Правда, не нравилось Зое, что от Виталика почти всегда пахло лёгким перегаром. Когда она прямо спросила его: «Ты что каждый день выпиваешь?» Он ответил, что это для храбрости. И она не стала больше обращать на это внимание.

Однажды Виталик пригласил Зою в гости к друзьям своего детства. У них была годовщина свадьбы. Друга детства звали Коля Галушко, его молодую и очень милостивую жену – Риммой. Оба светились от счастья. «Я хочу, чтобы у нас всё было так же» – загадала Зоя. Коля сказал по секрету, что они ждут ребёнка.

Зоя заметила, что друзья Виталика приглядываются к ней и прислушиваются к тому, что она говорит. И Зоя поняла, что это тоже смотрины, где был одобрен Виталькин выбор. Виталий в этот вечер сильно напился. На другой день он сказал, что это от радости, и Зоя согласилась с ним. Это было в январе. А в апреле они пришли на похороны Риммы. В это невозможно было поверить. Оказывается, беременная Римма стала жаловаться на боль в правом боку. Оказалось – аппендицит. Сделали операцию тяп-ляп. В результате Рита и её ребёнок погибли от общего заражения крови. Для всех это был шок. Что говорить про мужа? На поминках Виталька снова сильно напился, теперь уже с горя.

В феврале Зое исполнилось 18 лет, наконец-то она стала совершеннолетней и могла самостоятельно строить свою жизнь – так ей тогда казалось. Начался второй семестр, и приходилось больше заниматься, а, значит, и реже встречаться.

Душа её была на подъёме, ей всё удавалось и у неё всё получалось. В новостях узнали, что 1 мая под Свердловском был сбит американский самолёт – разведчик У-2. Зоя вместе с однокурсниками в это время была на демонстрации. Потом к ним в училище приехала делегация молодых парней из Китая. Некоторые из них говорили на ломаном русском языке. Побеседовали, обменялись открытками, спели песню «Русский с китайцем братья навек», и расстались друзьями.

Вскоре, Зоя успешно окончила первый курс училища. Впереди была месячная практика в сельском детском саду, и ей не терпелось применить полученные знания на деле.

К лету с помощью «Работницы» и бабушки она скроила и сшила себе чёрную атласную блузку, юбку «солнце – клёш» из яркой клетчатой шотландки и жилет в талию из той же ткани. В этом костюме она была неотразима. А ещё, Зоя проколола себе мочки ушей простой иглой, сидя у зеркала – и это было непросто, и очень больно, но так хотелось поносить серёжки, подаренные ей на день рождения. Уши потом болели, но всё проходит, прошло и это. Сервиса для прокалывания ушей тогда ещё не было.

Когда пришла пора прощаться поняли, что расставаться не хочется. Обещали писать друг другу, но он предупредил, что писать не любит.

ПРАКТИКА В ТАБОРАХ. НИКОЛКА

Зоя получила направление в деревню Таборы, а Люся в другую деревню, в 5 километрах от Таборов. Поселили Зою к одинокой женщине – тётё Дусе Кабановой.

Оказалось, что все жители этой деревни, за редким исключением, тоже носят эту же фамилию. И все они состоят хоть в дальнем родстве друг с другом. Зоя впервые столкнулась с таким феноменом.

Тётя Дуся сразу понравилась Зое, в её глазах светилась доброта. Муж её давно умер, дети уехали в город. Когда внуки были маленькими, их привозили в Таборы. А теперь и внуки выросли и тоже живут в городе, и к бабушке приехать всё времени не хватает. Забот-то огород и коза. Так что Зое она обрадовалась, вдвоём веселее.

Зоя приехала в Таборы в субботу вечером и в воскресенье она решила осмотреть деревню, где ей предстояло жить целый месяц. Деревня – одна длинная улица вдоль грунтовой дороги, по которой и скотину на выпас гоняли, и машины проезжали, и дети в школу ходили. Летом в сухую погоду – пыль столбом. Можно представить, что там было после дождя. Одно спасение – трава вдоль дороги, по ней и ходили.

Деревня оказалась окружённой полями и невысокими холмами. Позже Зоя с детьми ходила на эти холмы, и там было много дикой клубники. Вдали виднелся грибной лесок. Кругом простор, вольный ветер и чистый воздух. Дома деревянные, типично уральские – с маленькими окнами, крытыми дворами и большими огородами. У домов калины, рябины и берёзы. Цветов мало, хотя на дворе июль. Утром, едва проснувшись, она услышала переключку петухов, мычание коров и другие звуки, присущие деревне. «Хорошо-то как! Приехать бы сюда на всё лето», – размечталась Зоя.

На следующий день, надев свой неотразимый костюмчик, Зоя отправилась в детский сад. В ушках её переливались дешёвенькие, но очень нарядные висячие серёжки. Она чувствовала себя сказочной принцессой, перенесённой волшебником в неизведанные края. Пройдя через всю деревню, она увидела детский сад – небольшое двухэтажное здание. Оказалось, что заведующая, Клавдия Петровна, она же воспитательница, не имеет никакого образования. Её поставили на работу в детский сад, потому что из-за слабого здоровья она была непригодна ни к какой физической работе. Кроме неё была женщина по имени Лида, которая выполняла обязанности повара и нянечки. Дети собраны в одну группу, от года до 7 лет. Игрушек мало, пособий для занятий никаких. Зато помещение прекрасное: просторная светлая комната с большим окном, есть и спальня с удобными кроватями. Кругом чистота и порядок. Правда воду приходилось брать из колодца, и этот же колодец служил холодильником. Но это – заботы Лиды.

«Ну, счастливо оставаться, а я уезжаю в отпуск, Вы сами во всём разберётесь», – попрощалась Клавдия Петровна, и отбыла, оставив Зое списочный состав группы. Получилось как в анекдоте: «Извините, но, к сожалению, я ничем не хочу Вам помочь». Не ожидала Зоя, что ей придётся работать с разновозрастной группой. Этому в училище не учили. Вначале Зоя растерялась, а потом решила: «Ну что ж, будем копить педагогический опыт и самостоятельно до всего доходить». А что оставалось делать? Как говорится в кратком пособии для начинающих: начните. И она начала.

К 9 часам собралась вся группа. Малышей 2-х и 3-х лет оказалось двое. Остальные дети, 20 человек, от 4 до 7 лет. Завтрак Лида уже приготовила – кашу с натуральными сливками, чай с молоком и печенье. Хлеб, яйца и мясомолочные продукты поставлял колхоз, и все они были отменного качества. Детки съели всё с завидным аппетитом.

Зоя решила посоветоваться с Лидой: «Я хочу провести занятие с детьми за пределами садика. А как быть на это время с двумя малышами?» Она ответила: «Да Вы не беспокойтесь, Зоя Николаевна, я присмотрю за ними, пока вы занимаетесь, мне это не впервой».

Зоя построила ребятишек и повела их по деревне. Тема занятия была – деревня и город. Чем они похожи и чем отличаются. Интересное получилось занятие.

В последующие дни дети и лепили из глины, которой в деревне оказалось много, и рисовали. Учили стихи и слушали, а потом разыгрывали сказки. Но главное, Зоя провела серию занятий по знакомству с родным краем, с трудом их родителей. Дети обо всём рассказывали дома. Теперь, когда Зоя шла по деревне, все встречные жители кланялись ей и здоровались, называя её по имени и отчеству. Воистину, только в маленьких посёлках и деревнях знают истинную цену человека, и судят о нём не по словам, а по его делам. Ведь там каждый шаг на виду, все про всё знают – никаких секретов.

Была ещё непредвиденная трудность: Зое надо было самостоятельно составлять меню – раскладку по нормам в граммах. Она об этом понятия не имела. В городе это делает медик детского сада, а здесь его не было. Детсад находился на балансе колхоза, значит, меню обсчитывали в бухгалтерии.

В первый же день, уложив детей на сон – час, Зоя отправилась в контору, нашла бухгалтерию. Она ощущала на себе любопытные взгляды, ведь она была здесь новым человеком, городской. Некоторые спрашивали: «А Вы к нам надолго?» Зоя просмотрела старые меню, переписала нормы и дело пошло. А чем кормят детей в детсаду, она уже знала. Так что и эта проблема была решена. Жаль, что в деревне не было клуба – ни в кино не сходить, ни на танцы. И телевизора у тёти Дуси не было.

В кино и на танцы местная молодёжь ходила в другую деревню за пять километров. Там был большой клуб, который обслуживал несколько деревень. Но летом – во время уборочной – клуб был закрыт. Так что вечером нечем было себя занять. Зоя много и с удовольствием читала, но в деревне не было библиотеки, а местные жители книг не покупали. Вот тебе и культура в селе на деле, а не на словах.

С Люсей виделись редко, надо было писать дневник практики, да и далековато она теперь находилась. А тут ещё произошло событие, которое привязало Зою к Таборам.

В первый же вечер Зоя услышала жалобный плач ребёнка, но не придавала этому значение. На другой день она слышала этот плач и утром и вечером. «У соседей маленький ребёнок?», – поинтересовалась она у тёти Дуси. «Да это Наташка – шалашовка, нагуляла ребёнка, не кормит его толком, вот он и кричит постоянно, а её и дома нет, где-то шляется». Потом, Зоя узнала, что ребёночку всего 3 месяца. У него есть сестричка Любка пяти лет, и ходит она к Зое в садик.

Ребёнка было жалко, и она решила посмотреть – нельзя ли ему чем-то помочь. Зоя спросила тётю Дусю, удобно ли будет, если она войдёт в дом без хозяйки? Та ответила: «Да Наташки вечно дома нет, а дверь никогда не закрывается. Иди, сходи».

Войдя в соседский двор, Зоя поднялась на грязное крыльцо, и прошла в комнату, откуда слышался плач ребёнка. Дома никого не было. Грязные окна, немытые полы, на кухонном столе – посуда с засохшими остатками. Взяв малыша на руки, она поняла, что он промок насквозь. Поискала, нет ли сухих пелёнок. Их не оказалось. Заглянула в шкаф, увидела какие-то скомканные тряпки, похожие на простыни. Взяла одну, свернула вдвое и расстелила на кровать. Когда Зоя развернула ребёнка, сердце её сжалось, и она заплакала – это было жалкое зрелище: худенький мальчишка был весь в опрелостях и пропах мочой. Болезненно сморщенное личико бедного заморыша кривилось. Он уже охрип от плача.

Завернув малыша в сухую тряпку, она взяла его на руки и, прихватив мокрые пелёнки, пошла к тёте Дусе. «Тётя Дуся, я не могу допустить, чтобы невинное дитя так страдало. Я возьму его с собой в детсад и буду за ним ухаживать. Я не знаю, что с ним будет, когда я уеду, но сейчас я не в силах оставить его в таком состоянии. Не найдётся ли у Вас старой простыни или просто тряпок на пару пелёнок?». Старая женщина только вздохнула, покачала головой, и ушла искать пелёнки. Пелёнки нашлись. Решили покормить Колю – так звали малыша – разбавленным козьим молоком. Сказано – сделано. Нашлась и бутылочка с соской, оставша-

яся ещё от внуков – помогла вековая привычка русского человека ничего не выбрасывать, из ненужного сейчас, авось, когда-нибудь пригодится.

Изголодавшийся малыш быстро высосал всю норму, и просил ещё, но Зоя побоялась перекормить его после голодной диеты. Опрелости смазали растительным маслом, больше ничего под рукой не оказалось. И, завернув маленького страдальца в пелёнку, она отправилась с ним на работу. Сытый и сухой ребёнок уснул, доверчиво прижавшись к её боку.

Лида всплеснула руками, когда увидела эту картину. Пришлось рассказать ей, как попал к Зое бедный малыш. После завтрака и занятия дети пошли на улицу, а Зоя с Лидой решили выкупать ребёнка. Для этого подошёл таз. Налили в таз тёплой воды, добавили чуточку марганца и опустили ребёнка в воду, он заплакал, и Зоя поняла, что он не знаком с купанием, как другие дети. Приласкав Николку, она снова осторожно опустила его в воду, и ребёнок затих. Лида в это время приготовила тёплое разбавленное молоко, сухую простынку и пелёнку, а вместо присыпки – сухой крахмал.

К нам подошли наши питомцы. Люба Кабанова сильно удивилась: «Ой! Это же наш Колька. Мамка сказала, что выкинет его на помойку – он ей надоел». «Разве тебе его не жалко? Посмотри, какой он маленький и хорошенький?» – «Нет не жалко, он всё время кричит, и спать мешает. А Вы его себе заберёте?» Вот такое воспитание получила эта пятилетняя девочка.

Через 2 дня нашлась нерадивая мать. В детский сад пришла рослая и красивая блондинка. Она подошла к Зое, и громко спросила: «Это ты забрала моего пацана?» – «А кто Вы такая этому малышу?» – «Я его мать!» – «Матерью Вас назвать никак нельзя. Вас не было дома двое суток. Ребёнок голодный, грязный, мокрый – кричал, не переставая. Один в доме. Свидетелей полно. Хорошо, что Вы сюда пришли, теперь я знаю на кого напишу заявление в суд на лишение Вас материнских прав». – «Да кто ты такая?!» – «Я – официальное лицо, заведующая этого детского сада, представитель Министерства просвещения».

Лида слушала, открыв рот, и Зоя поняла, что сегодня же вечером об этом разговоре узнает вся деревня. Это поняла и Наталья. Она вдруг утратила весь свой пыл и захныкала: «Этот подлец, Илюшка, бросил меня с ребёнком, а я теперь должна кормить двоих детей. Живу на пособие матери-одиночки. Что мне теперь делать?» – «Для начала сделать генеральную уборку в доме, а ребёнок пока останется у меня. Он сейчас вполне доволен: ест и спит, просыпается только во время купания. Я ещё посмотрю, можно ли Вам доверить ребёнка или сразу отвезти его в дом малютки». И Наташка ушла. Пошла и напилась, и не думая прибраться в доме.

А Николка, тем временем, хорошел на глазах. Чистый и сытый он спал в коляске, которую привезла Лида, взяв её на прокат у соседей. У него отросли волосики, и стало понятно, что он будет брюнетом с чёрными глазами. «А этот Илья видел своего сына?» – спросила она у Лиды. Та ответила, что вряд ли он его видел. В деревне каждый шаг на виду, все бы знали, если бы видел. И тут Зое пришла голову мысль показать младенца отцу и поговорить с ним.

В ближайший сон – час она попросила Лиду присмотреть за детьми, а сама завернула Николку в самую лучшую пелёнку и пошла в МТС. Так называлась тогда машинотракторная станция, обслуживающая колхоз. Войдя на территорию, она спросила, где найти Илью Кабанова. «Да вон стоит у трактора». Она быстро подошла к нему и увидела высокого плечистого парня с чёрными волнистыми волосами и пронзительными чёрными глазами. Как тут было не понять Наташку! «Вы ко мне?» – удивился он. – «К Вам. Я принесла для Вас подарок судьбы. Вот он». И она показала ему малыша. «Это – Ваш?», – спросил он? «Нет, Ваш, разве Вы не узнаете себя в этом малыше? Он же Ваша копия». Илья неожиданно рассердился: «А тебе-то что, ты сваха что ли? Иди своей дорогой». – «Уйду, конечно. Но хочу сказать, что малыш не всегда будет беспомощным младенцем. Он вырастет, Ваш сын, Ваша копия. И что Вы тогда ему скажете? Вы ведь можете не жить с Натальей, но сына своего не забываете. Ещё не известно, будет ли у Вас ещё когда-нибудь сын, да ещё так похожий на Вас, а он на Ваших

глазах будет расти без отца», – Зоя разволновалась, губы её тряслись, она готова была заплакать, и конец фразы она выкрикнула ему в лицо. Искренность в выражении чувств подкупает. А он нагло улыбался: «Вот как! На тебе бы я женился. Пойдёшь за меня?». Она повернулась и пошла, поняв, что проиграла.

И тут в эту проблему вмешались жители деревни. Если раньше они как будто ничего не видели и не знали, то теперь это стало основной темой для пересудов. Все осуждали нерадивую мать, и по деревенской привычке резали правду-матку не в бровь, а в глаз. Житья не стало Наташке. Куда бы она ни пошла – слышала вслед: «Родители хорошие люди были, и в кого она уродилась? В войну детей растили, не бросали, а тут сирота при живой матери и т.д.». Пришлось ей заняться уборкой своего дома. Зоя видела, сколько вёдер грязной воды вылила их соседка в свой засохший огород.

Весь сыр-бор докатился до соседней деревни, где жила Натальина тётка по матери. Она пришла к горе-матери: « Ты чего наш род позоришь? Кормить дитя тебе нечем!? Так я буду давать тебе литр молока от моей коровы, пока мальцу год не исполнится. А с года в садик отдашь и на работу пойдёшь». На том и порешили.

Забрала Наталья Николку. Заскучала Зоя. Написала Виталику: «Может быть, заберём малыша себе?» Он ответил телеграммой: «Я сам могу». Вот и всё, коротко и ясно. Как-то вечером, тётя Дуся позвала Зою: «Ты глянь! К Наташке-то Илья пришёл! Ну и дела! Видно ты его чем-то проняла». Ну, вот и хорошо, а ей уже домой собираться пора.

За этот месяц чувства её к Виталику как-то остыли. Он так и не написал ей ни одного письма. Что она о нём знала? – Чёрные брови, приятная внешность, хорошо танцует. Но, не постижимы бывают, иногда, наши поступки: когда они встретились после расставания, и он предложил ей пожениться, она согласилась, ведь они давно договорились, что поженятся, и она обещала ему выйти за него замуж, хотя уже тогда её одолевали сомнения.

Соображать Зоя умела хорошо, а думать – пока не научилась. С другой стороны – если бы не ошибки молодости, вся жизнь была бы ошибкой. Но такая мысль придёт к ней через много лет – ничто не меняет наши взгляды на прошлое, как настоящее, а пока она считала себя кругом правой.

10 августа Виталику исполнилось 23 года. Отметили шумно с его друзьями. Он опять напился, но ведь день рождения! Как легко быть справедливым вообще и как трудно в частности! Зоя заметила, что в состоянии опьянения он был весёлым, дурачился, шутил и т.д., что сильно отличалось от его нормального состояния. Она поделилась с бабушкой, и та сказала: «Пьяница – проспится, дурак – никогда». И Зоя успокоилась.

Свадьбу Виталий предложил перенести на начало ноября, чтобы подкопить денег. А в октябре подать заявление в ЗАГС. Зоя не возражала – скоро начало учебного года, вдруг опять в колхоз отправят.

А, между тем, жизнь в стране кипела и бурлила: в августе с Байконура был запущен на орбиту космический корабль Восток с собачками – Белкой и Стрелкой на борту. Пролетав сутки, собачки благополучно вернулись на землю. Об этом говорили все радиостанции СССР. По телевидению была показана специальная передача об этом событии. Люди с гордостью за свою страну говорили об этом дома и во всех публичных местах. Теперь на очереди был космический полёт с человеком на борту! Здорово! Великая держава – великие события.

СВАТЫ

В колхоз их не отправили. Вместо этого обсуждали итоги практики в деревнях. Директор училища Фаина Семёновна сообщила, что от председателя колхоза деревни Таборы пришло благодарственное письмо с просьбой направить к ним на работу Зою Николаевну после окончания училища. «Ну что, поедешь?» – Фаина Семёновна смотрела на Зою тепло и с улыбкой. «Не могу, потому что выхожу замуж». Все зажуужжали – тебе же учиться ещё год. На что Зоя ответила: «Буду учиться замужем». Одна из девчонок пошутила: «В русском языке есть исключения – «уж, замуж, невтерпёж». На что Зоя ответила: «Исключения диктуют правилам свои правила», – она была начитанной девушкой. Все засмеялись и Зоя вместе со всеми. И, вопрос закрыли.

Снова начались занятия, времени на встречи – свидания оставалось совсем мало. На втором курсе Зоя стала получать уже 20 рублей стипендии. И тут выяснилось, что Люсе стипендию не дадут. Экзамены за 1 курс она сдала на тройки, а игру на пианино вообще завалила. Это была для Люси катастрофа, и она растерялась, не зная, что делать. Тогда Зоя решила пойти к директору училища. «Фаина Семёновна, Люся очень любит детей и будет хорошим воспитателем, но без стипендии она учиться не сможет. У неё тяжёлое семейное положение. Она живёт с матерью, которая ежедневно пьёт, и братишка, ученик 3 класса, которого она воспитывает вместо матери. Если она не получит стипендию, то не сможет окончить педучилище и вырваться из этой беспросветной жизни. Помогите, пожалуйста, Фаина Семёновна! Разрешите ей пересдать музыку». Музыку пересдавать было бесполезно, Люся просто боялась подходить к пианино. Договорившись с преподавателем музыки поставить тройку вместо двойки, Фаина Семёновна вернула Люсе стипендию.

Вот и октябрь наступил. А тут и сваты явились, прямо накануне маминого дня рождения. Зоя родителям ничего не говорила – понимала, что отговаривать будут. Поэтому для Зоиных родителей это было неожиданностью.

Расселись чинно – важно, Зою к бабушке отправили. Сваты, войдя в комнату, поклонились в пояс, и самый старший сказал: «Слыхали мы, что у вас в тереме девица красная подросла, расцвела и поспела. Самое время замуж её отдавать, пока не отцвела её красота, не осыпались с цветка лепесточки. А у нас вот и женишок имеется, как раз ей впору».

Сваты начали жениха нахваливать: молодой, здоровый, армию отслужил, профессию имеет и работу, жену любить будет, детишек заведут. Отец ответил: «Девица – то у нас есть – и красавица и умница. Да рано ей ещё замуж, только недавно 18 исполнилось, да и учиться ей ещё год надо. А потом, где молодые жить будут? В землянке только одна комната, да там мать живёт. Дело молодое, в одной комнате с матерью негоже им жить». На это ему возразили: «Мы все в землянке выросли и всем места хватало. Зато мама с ними будет, и дитя никуда носить не надо, нянька рядом. Учиться можно и замужем, никто ей не запрещает. А что молодая – это хорошо, зачем ему старуха? Надо невесту спросить».

Многие люди могут рассуждать умно, а поступать нелепо даже в зрелом возрасте, что уж говорить про молодых. С другой стороны – лучше быть молодой идиоткой, чем старой дурой.

Позвали Зою, эту самую молодую идиотку, и она сказала: «Я согласна». Как будто и не слышала, какие толковые доводы приводил отец. Или не хотела слышать? Спорить больше было не о чём. Мама вдруг заплакала. Один из сватов утешил – не в неволю, мол, забираем, замуж по закону зовём. Зоя с Виталькой пошли на улицу, а сваты и родители стали обсуждать, как устроить свадьбу 5 ноября, приурочив её к ноябрьским праздникам.

На следующий день к ним в гости приехали родственники – мамин брат Виктор, с женой и двумя детьми – отметить мамин день рождения. Виталий тоже сидел за столом рядом с Зоей на правах жениха. Маму все поздравляли, выпили, конечно. Виталик подарил маме серо-голу-

бой платок из искусственного шёлка. Подарок ей очень понравился – он очень подходил к её голубым глазам. Она долго носила этот платок.

Будущий зять тоже всех очаровал: он смеялся, шутил, был такой компанейский. В своей светлой рубашке он был такой симпатичный. Зоя любовалась им и гордилась, сомнения её окончательно улетучились. Особенно он понравился Зоиной бабушке, и она одобрительно улыбалась Зое. Между бабушкой и её молодым зятем установились очень тёплые отношения. Она всегда поддерживала его и оправдывала. Он тоже относился к ней как к родной бабушке, своей-то у него не было.

РЕГИСТРАЦИЯ БРАКА. НАЧАЛО СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ

16 октября молодые поехали в ЗАГС и подали заявление о заключении брака. Церемонии в то время были не в ходу. Просто им сказали: «Подумайте 2 недели. Если не передумаете, придёте 29 октября, и я зарегистрирую ваш брак. Можете пригласить свидетелей и принести Шампанское». Вот и вся церемония. Но молодые всё равно были счастливы, и это было самое главное – важнее всех церемоний!

Подготовка к свадьбе шла полным ходом, обсуждался список гостей. Первый день решили праздновать у невесты, второй – у жениха. Отец с мамой ломали голову, как рассадить такую уйму гостей в небольшой комнате и как сочинить достойное угощение при тотальном дефиците. Беспокоились – хватит ли водки и вина, они уже знали, что новая родня пьёт часто и помногу. Зоя продолжала учиться. Её родительские проблемы не задевали – она вся была устремлена в светлое будущее.

Наконец, прошли 2 недели, наступило 29 октября. В ЗАГС с молодыми пошли Люся Галанова и Коля Галушко, безутешный вдовец. Молодожёнам и свидетелям даже не предложили снять верхнюю одежду, да и ладно.

Жених был одет в тёплое полупальто жёлтого цвета, больше похожее на телогрейку, на голове – чёрная цигейковая шапка. На ногах – стоптанные ботинки. Невеста – в светло бардовое пальто в талию, на голове шляпка из гладкого меха, на ногах новые высокие ботиночки.

Молодой муж купил Шампанское. Но поскольку он не шибко часто пил этот напиток, да он его совсем не пил, то не разобрался, какое Шампанское лучше. Когда пришла пора поздравлять молодых, Шампанское попытался открыть Виталик. Хорошо, что половина его выплеснулась на пол. Оставшееся Шампанское разлили в фужеры, глотнули и поперхнулись. Оно оказалось сухим, ободрало глотки и вызвало слёзы. Была бы конфетка... , но её не было. Не хотелось жуткую кислятину допивать, а пришлось. Не выливать же остатки на пол. Этот облом не испортил настроения – хохотали от души, хоть и сквозь слёзы.

Колец у молодых не было. В то время редко у кого они были. Выдали им свидетельство о браке, и они всей компанией пошли в кино. Зоя с Виталием сели на последний ряд и сидели, тесно прижавшись, друг, к другу. Кино почти не видели, некогда было. Когда они вышли из кинотеатра, свидетели куда-то исчезли. «Ну, Зоенька, теперь ты моя законная жена и ты должна пойти со мной. Свадьба от нас не уйдёт, она нужна гостям и родителям, а мне нужна ты.» Тут подошёл автобус и через 20 минут они подошли к Зоиному дому.

Виталий постучал в дверь. Вышла мама и он сказал ей то же самое, впервые назвав её мамой. Мама растерялась, но спорить не стала. Поздравив молодых и расцеловав их, она пригласила их в дом, но Виталий отказался. Тогда мама пошла в комнату и вынесла Зое новую ночную рубашку. Виталий сунул её за пазуху, и они пошли в новую жизнь. Зоя оглянулась, мама стояла и плакала. «Чего она плачет, со мной же ничего не случилось!» А мама стояла и вспоминала, как бегала с маленькой дочкой под бомбёжкой, как голодала в эвакуации и после войны. А теперь её маленькая доченька совьёт своё гнездо. Как-то у неё всё сложится. Так и стояла она, глядя вслед дочке и зятю, пока не вышел её муж и не забрал её в дом. А молодые отправились в дом жениха, теперь уже законного мужа.

Было уже темно. Шли задворками, сокращая путь, потом через бывшее картофельное поле. Наконец, поднявшись на небольшой пригорок, они подошли к Виталькиным хоромам.

Яркая луна осветила это убогое строение: не то сарай, не то деревянный склеп. Низкая дверь, крыша на уровне глаз. Даже при невеликом Зоинном росте она могла положить руку на крышу. « Вот и дворец для принцессы», – подумала она.

Виталий постучал в дверь. Через некоторое время недовольный старческий голос произнёс: «Ты что ли, Виталька?» – «Я не один, а с женой», – «С какой ещё женой?» – «С Зоей, мы с ней сегодня расписались» – «Ну и что? До свадьбы не могли подождать?» Дверь открыли. Зоя никак не ожидавшая такого приёма, ринулась от дверей, но Виталий перехватил её. Шагнув на полметра ниже порога, они оказались в сенях. Здесь же и разулись на ледяном полу. Следующая дверь вела в комнату. Войдя в неё, Виталик включил свет. «Здравствуйте», – пискнула Зоя, от стыда боясь поднять глаза. Её свекровь буркнула: «Здравствуй», – легла на свою кровать и отвернулась к стенке. Дрожь в коленках вынудила Зою сесть на ближайшую кровать. Виталька снял с неё пальто и шляпку. Зоя мельком огляделась. Кровать, на которой она сидела, стояла у дверей, напротив – большая русская печь. За ней – кровать свекрови. Рядом с её кроватью – у окна – стол и два стула. Вот и вся обстановка. «Это же точная копия комнаты в Старой Руссе, где я родилась, мама мне так её и описывала. Ничто не ново на этом свете, всё повторяется, вот и не верь философам». Зоя шевельнулась, и кровать жалобно взвизгнула. Зоя поняла, что она сидит на пружинном матрасе. «Хочешь поесть?», – спросил её муж.

Когда они добирались до дома, она мечтала о горячем ужине, особенно после набившего оскомину Шампанского. Но сейчас ей было не до еды. Она отказалась, тогда он пошёл за занавеску у печи, и начал там быстро что-то поглощать, громко глотая. Зоя сидела и думала: «Она знает, зачем мы пришли, стыдно-то как. И этот матрас выдаёт любое движение. До кровати матери рукой подать. Я же не смогу здесь раздеться и просто лечь, чтобы уснуть. Что же делать? И домой стыдно вернуться», – она сидела и тихо плакала, стараясь не всхлипывать.

Наконец муженёк её наелся, погасил свет и сел рядом. Кровать жалобно скрипнула. Зоя тихо спросила: «Виталик, а где у вас туалет?» – «На улице, но ты можешь сходить на ведро». Света в сенях не было и он, выйдя с ней, показал ей, где стоит это ведро. Она, стесняясь его, тихо прошептала: «Иди, я приду».

Вернувшись, она обнаружила, что муж уже в кровати. Она, не раздеваясь, тихонько прилегла на самый край, стараясь не раздражать матрас. Виталий прижал её к себе, и спросил, почему она не разделась. Она ответила ему на ухо: «Я не могу, пойми меня. Оставь меня в покое, иначе я уйду домой». Он ничего не ответил, отвернулся и через некоторое время, она услышала его сонное дыхание. Не получилась у них первая брачная ночь. Зоя не спала, мысли вихрем кружились в её голове: «Зачем он привёл меня в свою хибару, не предупредив мать? Если даже они нарушили какие-то традиции, разве можно так встречать жену своего сына, впервые переступившую порог их дома? Как он мог лопать за занавеской, он же не мог не видеть как ей плохо? Почему он не приласкал, не успокоил её, а отвернулся и захрапел? Как же я буду здесь жить?», и слёзы снова покатались на подушку. Непрошенные мысли – хуже незваных гостей, она снова и снова перебирала вопросы, на которые у неё не было ответа. У неё затёк бок, но повернуться она боялась: мать видимо тоже не спала и время от времени тяжко вздыхала. Уснула Зоя, когда уже светало.

Проснулась она, услышав, как кряхтя и вздыхая, встала с кровати свекровь. В голове шумело, в глаза, будто кто-то насыпал песка. Молча лежала она, одинокая и несчастная. Виталька ещё спал. Мать возилась за занавеской. Зоя тихонько встала и вышла в сени, а когда вернулась в комнату, мать отодвинула занавеску и сказала: «Здравствуй, Зоя», – «Здравствуй, мама», – «Небось, обиделась на меня? Не обижайся, не ожидала я вас вчера». Зоя пожалала плечами и промолчала, боясь заплакать. Потом, справившись с собой, тихо сказала: «Я наверно домой пойду», – «А что мать-то с отцом скажут?» – «Что-нибудь скажут, но не выгонят же». Тут и Виталька проснулся: «Ну что познакомились?», – спросил он, как ни в чём не бывало. Свекровь: «Давай корми жену-то, а то она уж домой собралась». Виталька быстро оделся и пошёл в сени умываться, за ним вышла и Зоя. «Может мне дома пожить до свадьбы?» – «Ещё чего! И не думай, всё наладится, мать у меня мировая. Умывайся, и пошли – поклюём». И ушёл в комнату. Зоя умывалась ледяной водой и думала: «Что же делать? Вернуться домой?»

Родители такие деньги вложили в эту свадьбу, наверняка в долги залезли. Гостей пригласили. Я не могу с ними так поступить. Ну что ж, поживём – увидим, как говорят умные люди: каждый влипает в ту историю, которую творит, винить некого».

После умывания и принятого решения ей стало легче. Она вернулась в комнату, села за стол и с аппетитом поела. Свекровь с ними за стол не села, видимо поела за занавеской. Потом она засобиралась: «Сестра Татьяна приехала на вашу свадьбу, остановилась у сестры Фани. Пойду их провожаю». И ушла. Тут уж Виталька не оплошал, и устроил брачное утро. Но как оно было не похоже на то, о чём Зоя читала в книге Мопассана. Наконец, Зоя расслабилась и уснула так крепко, что проспала и обед. Муж разбудил её поцелуем...

Потом наскоро перекусив, они пошли в гости, к Зоиным родителям. Там их ждали, посадили за стол, отец с Виталием выпили, и их накормили до отвала. Это был выходной день. Через неделю состоится их свадьба. И Зоя осознала, что «будущее» превратилось в «настоящее». Сытый и довольный муж (какое непривычное слово), заторопил её на выход. Выйдя на улицу, он потянул её к землянкам. «Погоди, Виталька! Давай поговорим!», – «Потом поговорим», – «Виталька, давай никогда больше не ссориться», – «Во, чудачка! А кто ссорится-то?» – «Ну, тогда ответь мне на 3 вопроса», – «На целых три? Где ты их столько набрала? Я больше одного не осилю. Ну, ладно, но не больше трёх», – «Скажи, почему ты не предупредил мать, что мы придём вдвоём?» – «Когда бы я успел её предупредить? Я и сам этого не знал, пока мы не выпили этого прекрасного Шампанского», – «Так ты меня по пьянке пригласил к себе?» – «Так и ты же выпила вместе со всеми», – «Ладно. Тогда почему ты кинулся жрать, видя, что мне так плохо?», – «Так я есть захотел, мы с утра не ели. Я тебя позвал поесть, а ты отказалась. Тебе легче было бы, если бы я умер с голода у тебя на глазах?» – «А почему ты не приласкал меня, не успокоил, а отвернулся и захрапел?» – «Если бы, я начал ласкать тебя и утешать, смог бы я сдержаться и оставить тебя в покое, как ты просила?» – «Он превратил все мои переживания в фарс. А, может, так и было? Наверно, я капризная дура. Надо уважать право каждого – быть правым», – подумала Зоя. На душе стало легко, и они с Виталькой пошли на землянки. Матери дома ещё не было: «Может надо чего-нибудь сварить?» – спросила Зоя, отворачиваясь от Виталькиных объятий. «Некогда», – ответил он, стаскивая с неё платье: «Наверно я его всё-таки люблю», – подумала она. Свекровь вернулась только к вечеру: «А вы что же ничего не сварили, что ужинать – то будем?», – «Некогда было, а пообедали мы у тещи».

С понедельника жизнь вошла в привычную колею. В училище сокурсницы поздравили Зою и подарили ей букет и небольшую скатерть на стол. Зоя поблагодарила и извинилась, что, к большому сожалению, не может пригласить всю группу на свадьбу в двенадцатиметровую комнату. Если бы это было лето, а не зима. А снег на дворе уже лежал и не таял.

Неделя пролетела незаметно. Первые дни Зоя по привычке шла к маме. Люся, смеясь, тащила её дальше и шутила: «Ты что уже развелась, и на землянки не идёшь?» – «Типун тебе на язык, подруга». Раньше, возвращаясь из училища, Люся провожала Зою, её барак был немного дальше. Теперь наоборот – Зоя проходила мимо Люсиного барака: «Теперь наши жилищные условия уравнились, такая же нищета. Ну, ничего, будем оба работать – начнём обустраиваться, так даже интереснее», – с грустью думала Зоя.

Свекровь рассказала, что она с мужем и двумя детьми приехала в Свердловск из деревни, спасаясь от коллективизации и раскулачивания: они были середняки, а тогда не щадили никого. В это время строился завод УРАЛМАШ и рабочих не хватало. Муж устроился на завод, но жилья не было. И тогда на окраине города рабочие стали обустраиваться самостоятельно. Строили временки, а прожили там всю жизнь. Таких землянок настроили немало. Помогал прожить большой огород при хибарке – соток 15. Пол огорода был засажен многолетним луком бутуном, вторая половина – картошкой. Как только сходил снег и появлялся бутун, свекровь вязала пучки и несла на продажу – огороды были далеко не у всех. Высаживали много кар-

тошки, и тоже продавали – тем и жили. На одну зарплату мужа они не выжили бы. Со временем завели и корову. Деревенские навыки и образ жизни не забываются.

СВАДЬБА. РАЗОЧАРОВАНИЕ

5 ноября родители Зои встали раным-рано. Вынесли из комнаты всю мебель. Вдоль стен расставили столы, оставив середину комнаты свободной. Недостающие столы и стулья, вилки и ложки, тарелки и стаканы – принесли соседи. Народу будет много. Вдоль столов на стулья положили доски. Мама очень хорошо всё обустроила: накрыла столы белыми простынями, а для молодых – белую, вышитую своими руками скатерть, и поставила букет живых роз в вазе. Розы отец заранее привёз из совхозной теплицы. К приходу гостей столы были накрыты, хватало и еды и выпивки. Гости приглашали на 12 часов, но некоторые нетерпеливые пришли уже в 11. К двенадцати все собрались, с трудом разместились за столами. На свадьбу пригласили директора совхоза с женой. Все гости со стороны невесты, и друзья жениха разместились за одним столом. Остальные 4 стола были заняты родственниками жениха. Поначалу они чувствовали себя скованно. Но после 3 – 4 стаканчиков расслабились. Только началось веселье, как в дверь громко застучали кулаком и палкой: «Как в сказке – какая-нибудь злая фея пришла испортить свадьбу», – подумала Зоя. И точно! Дурные предчувствия редко бывают ошибочными. В комнату вошла огромная чёрная старуха с красными воспалёнными глазами. Все замерли. Тут жених вскочил: «Тётя Еня, проходи, садись вот сюда!» И он посадил её за столик рядом с его друзьями. Как потом выяснилось, имя Еня – сокращённое от Евгении – двоюродная сестра свекрови. Это была легендарная женщина. Во время войны она работала на скоростной, убивала быка одним ударом кувалды. Пила тёплую кровь убиенных быков, а водку из стакана не пила, а выливая всю бутылку в миску, крошила туда хлеб, и выхлёбывала ложкой всё до капли. Теперь ей было уже за 70, силы были уже не те, быка, пожалуй, она уже не убьёт, но свалить мужика одним ударом она ещё могла. Замужем тётя Еня никогда не была, детей не имела. Сев за стол и увидев стопки, она коротко пробасила: «Кружку!» И достала из кармана широкой юбки свою кружку, в которую вошла целая бутылка водки. Она с трудом поднялась, опираясь на свою мощную эбонитовую палку, и коротко прокаркав: «Пью за молодых», – залпом выпила всю водку. Потом приказала: «Невесту покажите!» Виталька подтолкнул, и Зоя встала. Она в день своей свадьбы была в белом платье с широким шифоновым бантом на тонкой талии, это был наряд с выпускного школьного бала. На пушистых волосах – белый восковой веночек. Посмотрев на невесту, тётя Еня пробубнила: «Тошша шибко, а так-то ничё», и, привалившись к плечу Васьки Уфимцева, сидящего рядом с ней, захрапела, но минут через 20 очнулась, и уже сидела, как ни в чём не бывало. Больше она пить не стала, она свою норму выпила. Выпили, поели, все тосты сказали, и давай плясать под гармошку с частушками на Уральский манер: «Ты пошто меня шабаркнул балалайкёй по плешю – я по то тебя шабаркнул – познакомиться хошу». Или: «Ты куда меня повёл такую косолапаю – на ту сторону реки, иди, не разговаривай!» Частушек было очень много, были и скабрёзные.

Наплясавшись и напевшись, сели за стол, попили-поели. И тут наш директор вместе с женой спел шуточную украинскую песню: « Ты ж мене пидманула, ты ж мене пидвела, ты ж мене, молодого, с ума-розуму звела». Зоя впервые слышала настоящую украинскую речь. Песню гости приняли на ура.

Жених упился раньше всех, его положили на бабушкину кровать, так что воровать невесту по обычаю было не у кого. Он проспал часа 2, потом его разбудил кто-то из гостей. Он встал помятый и заспанный. На нём была красивая светлая рубашка, подаренная Зоей на день рождения. Теперь она совсем не походила на наряд жениха, а её хозяин на жениха. Какой невесте это понравилось бы? Вот и Зое не понравилось. Но надо было держать лицо, и не портить веселье. Тут новобрачному поднесли ещё стаканчик, и он ожил, но ненадолго. На другой день он не помнил, как прошла свадьба. А, тем временем, свадьба продолжалась. Решили катать на санях родителей жениха и невесты. Виталькиной матери было уже 62 года, она была всего

на 3 года моложе Зоиной бабушки, и она наотрез отказалась кататься на санях. Зоиним родителям тоже было не до этого – им надо было перемыть горы посуды ко второму столу. Тогда решили катать сватов. Те согласились. Парни притащили наши «новогодние» сани и с гиканьем и свистом, в сопровождении гармониста, повезли сватов по улицам посёлка, держась за оглобли саней. Жених, не поняв в чём дело, и куда все поехали, тоже повалился в сани и катался вместе со сватами. О невесте он и думать забыл. А она сидела за разорённым столом, охваченная обидой и разочарованием. Не такую она представляла свою свадьбу. Мама утешала: «Не расстраивайся, это он от радости. Пройдёт свадьба и всё снова встанет на своё место». Но Зоя уже не сомневалась, что никогда и ничего не встанет на своё место. Она уже поняла, что не туда попала, глядя на Виталькину родню, и на него самого. Они, как гусь и гагара – птицы разной породы, у них разный взгляд на жизнь, разные семейные отношения, разное восприятие и вкусы. И тут ничего не изменишь. Оказывается, подумала Зоя, в жизни бывает так, что находишь не то, что ищешь. Вот так, всю жизнь человек и утрачивает иллюзии, накапливая житейский опыт. Жалко родителей, себя, Витальку и его мать. Она-то сразу поняла, что её сын и сноха не пара. Ему больше подошла бы Люся – спокойная, непритязательная, хозяйственная, менее впечатлительная и эмоциональная, но он выбрал Зою. А у Люси по-прежнему не было парня.

Свадьба продолжалась. Вернулись «катальцы», и сразу за стол. Жених немного очухался на свежем воздухе, и, наконец, увидел свою наречённую. «Постарайся пить поменьше, это не простая пьянка, а наша свадьба», – прошептала она. Он согласно кивнул головой. Но к концу свадьбы набрался так, что не смог уйти домой. А тут ещё тётя Еня отколола номер. Васька Уфимцев, разгорячённый тасканием саней, полез на своё место за стол, и нечаянно задел её ногу. Та покрыла его матом, перекрывая все звуки за столом. Он начал оправдываться: «Тётя Еня, простите, я нечаянно. Ну, стукните меня палкой в наказание», и повернулся к ней спиной. «Ну ладно, ладно, прощаю», и легонько стукнула Ваську вдоль спины своей палкой. Васька охнул, и не смог разогнуться до конца вечера. На другой день он на свадьбу не пришёл, а пошёл в травматологию, и лечился 2 недели.

Гости разошлись поздно вечером. Жених мирно спал под столом. Отец залез под стол, и заботливо подложил зятю маленькую подушку под голову. Невеста, сняв свой наряд, убирала со столов посуду и остатки пищи. Белые скатерти стали цветными, цветы в вазе пришлось убрать ещё до прихода тёти Ени. Родители были довольны, что всем хватило еды и выпивки. От усталости они едва таскали ноги, и были рады, что этот день, наконец, кончился. Когда всё убрали, перемыли посуду и полы, родители расстелили матрас и легли на пол – у них уже не хватило сил поставить кровать. Зоя легла на свою раскладушку в бабушкину комнату. Бабушка поняла её состояние: «Не надо из всего делать трагедию, сразу его не изменишь, надо время и терпение». И Зоя успокоилась и уснула. Если бы Зоя тогда узнала, что ни время, ни терпение ничего не изменят, кто знает, как сложилась бы её жизнь, но сослагательное наклонение «бы» ничего в жизни не меняет. И Зоя, устав за день, мирно спала.

Ночью её разбудил Виталька – он звал её домой. Когда Зоя наотрез отказалась, он «ввинтился» к ней на раскладушку, так и проспали до утра.

На следующий день свадьба гудела на землянках. Бабушка не пришла – она осталась с малышами. Из гостей со стороны невесты пришли только отец с матерью и подруга Люся. По правилам, на второй день за гостями ухаживают молодые супруги. Ни водки, ни вина не было, а было только две большие молочные фляги браги. Никаких разносолов тоже не было, гостям варили пельмени. Их делали все родственники, заморозили и принесли матери морожеными. Пельмени варил Виталька, а Зоя разносила тарелки.

Гуляли целый день, плясать под гармошку выходили на улицу, благо холод был около минус 8. Это не мороз для уральцев, особенно, когда внутри у каждого 40 градусов. К вечеру все разошлись. Зоя с золовкой Полиной, самой трезвой из гостей, всё прибрали, помыли. Муж-

чины поставили на место кровати и стол. И все вздохнули с облегчением. Полина позвала мать с собой, но та отказалась, ссылаясь на больные ноги. Наутро от свадьбы остался только запах перегара, и горечь разочарования в душе невесты.

7 ноября Виталий пошёл со своим цехом на демонстрацию, Люся тоже пошла с училищем, а Зоя идти с Виталием отказалась – решила отдохнуть. Она прилегла и перебирала в памяти все события её короткой семейной жизни. Слишком поздно она вспомнила умные слова древнего философа – кто нетерпелив к решениям и действиям, тот спешит к неудачам. Свекровь вздыхала на соседней кровати. Варить ничего не стали, т.к. осталось много варёных пельменей. В комнате не было ни радио, ни телевизора, тишина, как в склепе. Денег на телевизор не было. Ведь Виталия 3 года не было дома. Вернувшись из армии, он должен был одеться, обуться, да ещё свадьба подоспела. Деньги зарабатывал только Виталий, а мать пенсию не получала – у неё не было трудового стажа. А по старости без стажа в те годы пенсию не давали. Свою зарплату сын полностью отдавал матери – она вела домашнее хозяйство. Зоиною согласия никто не спрашивал, да и ладно.

Устав от невесёлых дум, Зоя решила пойти к родителям. Посмотрела по телевизору демонстрацию, праздничные концерты, поиграла с малышами. Праздники тогда были зрелищные и в них принимало участие всё население страны, от мала – до велика. В детском саду дети учили стихи: « День 7-го ноября на листке календаря. Посмотри в своё окно – всё на улице красно. Вьются флаги у ворот, музыка играет...». Так оно и было. На демонстрацию ходили семьями, несли флаги, транспаранты, шарики, букеты осенних листьев, вырезанных из бумаги. У всех было приподнятое настроение. После демонстрации шли в гости или принимали гостей. Но Зоя почему-то в этот раз не радовалась празднику.

Только начала собирать свои вещички, чтобы отнести их в своё новое жилище, как отец позвал её к окну: «Твой благоверный возвращается с демонстрации». Глянула – лучше бы не глядела. Как говорится: видеть тебя одно удовольствие, не видеть – другое. Оделась и пошла домой, предвидя, что не найдя её дома, он придёт к её родителям, а они ещё не отдохнули от свадьбы. Помня совет бабушки, Зоя решила – никаких упреков и вопросов. Она уже поняла, что поговорка – каждый сам себе судья – сомнительна, чаще – сам себе адвокат. Вот и Виталька всегда найдёт себе оправдание. Да и праздник на дворе. Завтра начнутся трудовые будни, новый день – новые заботы.

На другой день вечером Виталька пришёл домой, когда Зоя уже вернулась из училища. И не с пустыми руками: на деньги, которые им подарили на свадьбе, он купил редкую в то время вещь – магнитофон с бобинами. Он стоил дороже простенького чёрно-белого телевизора. Ошеломлённые мать и Зоя молча смотрели на Виталия, а он не мог понять, чем они недовольны. Зоя: «Лучше бы ты купил телевизор с антенной». Мать: «Денег и так не хватает!» Но он их быстро успокоил: « Не ворчи, мам, денег всё равно не хватает. А телевизор можно посмотреть и у тёщи». Зоя: «Что же ты со мной не посоветовался?» – «Я думал, ты меня одобришь, сама же говорила, что скучно». Спорить дальше было бесполезно. А Виталька с упоением возился с новой игрушкой, он изучал кнопки и рычажки, быстро во всём разобрался, и включил магнитофон. Звук был мутный, не чёткий, но было понятно, что на бобине записана заграничная музыка, в основном, латиноамериканская. И вдруг что-то щёлкнуло, и музыка пропала. Оказывается, лопнула тонкая магнитная лента. Но Виталий уже знал, что её можно склеить, и склеил. Лента рвалась часто, но он всё равно был доволен своим приобретением. Теперь, приходя домой, он сразу включал магнитофон, и в доме стало веселее. Правда одна и та же музыка быстро надоела, и Зоя предложила: «Пойдём на танцы или в кино, и самостоятельность мы забросили». И услышала в ответ: «Что на танцах – то делать? Туда ходят, чтобы найти себе пару. Мы с тобой нашли. На кино у нас пока денег нету. А кружок нам скоро всё равно не понадобится, будешь ребёнка рожать». И остались они дома: « Ту ли я пару нашла – вот вопрос? И второй – заменит ли мне Виталька и его землянка всё, что за её пределами? –

Вряд ли», – подумала Зоя, но ничего не сказала. Зато в ближайшее воскресенье они купили на базаре этажерку – надо же было куда-то ставить магнитофон и Зоины учебники. Теперь Зоя, приехав из училища, вечерами, вышивала салфеточки на этажерку.

Оставалась ещё одна не разрешённая проблема – пружинный матрас, он сильно осложнял молодым жизнь, и их медовый месяц грозил стать горчичным. Пришлось выставить матрас в кладовку, а вместо него настелить доски и на них положить толстый ватный матрас, принесённый с родительской веранды. Сколько было радости!

Сразу после свадьбы Зоя призналась свекрови, что совсем не умеет готовить и попросила: «Мама, научи меня, я быстро всё запомню». Но мать и сама не очень была сильна в разносолах. Основной её конёк – мучные блюда – пельмени с капустой, с грибами, рыбным фаршем, с картошкой, редко с мясом. Блины, которые она пекла в русской печи, не переворачивая, и пироги. Супы у неё получались не вкусными, не то, что у Зоиной мамы: «Буду учиться у мамы, варить супы и борщи».

НОВАЯ РОДНЯ

В ближайшее воскресенье она ещё раз убедилась, что выбор её был ошибочным. Воистину, берёшь мужа – берёшь и его родню. С утра свекровь встала, затопила печь и долго возилась за занавеской. Оттуда вкусно запахло. Не успели они с Виталькой встать, как дверь открылась и в маленькую комнатушку ввалилась целая толпа. Оказывается, это его сёстры со своими чадами пришли в гости. Сразу стало негде повернуться. Зоя сначала обрадовалась – у неё появилась возможность поближе познакомиться сразу со всеми. Но она зря радовалась. Все расселись за столом, на котором уже стояла 3-х литровая банка браги. Потом Виталька принёс из-за занавески большую стопу блинов и миску с растопленным маслом. Гости разлили по гранённому стакану браги, выпили, закусили, мужики тут же закурили. Но это было только начало. За столом сидело 9 взрослых, а банку с брагой наполняли 5 раз! Зоя, не привыкшая к спиртному, из своего стакана только пригубила, и то в голове сразу зашумело. Её все стали дружно уговаривать, чтобы она пила вместе со всеми, но когда она допила свой стакан, её замутило. «Ничего, привыкнешь!» – утешали её.

Через час вся компания, кроме Полины, матери и Зои, упилась и наелась. Полинин муж Михаил упал головой в тарелку, словно соблюдая вековую традицию всех пьяниц. Муж второй сестры – Лизы, горько плакал, повторяя, как заведённый: «Я вас всех люблю, а вы меня не любите». Его никто не пытался успокоить, и вообще никто не слушал, потому, что это был его коронный номер, после неумеренного подпития. Лиза пыталась спеть частушку, но застряла на первой её части: «Дура, дура, дура я, дура из картошки», забыв напрочь вторую часть частушки. Дым от ядовитых папирос Беломор и Север, пластами растекался по комнате. У стола крутились шестеро детей разного возраста, они впитывали традиции своего рода, полагая, что это нормально и так должно быть. «Неужели и наши дети вырастут в таких условиях?» – ужаснулась Зоя.

К вечеру гости расползлись. Виталик валялся на супружеской постели мертвецки пьяный. И так было каждое воскресенье! Блины заменяли пельмени или пироги, а брага в диком количестве оставалась неизменной. Когда Зоя рассказала об этом бабушке, она возразила: «Пить – чтоб пьяному быть, а пьяному не быть, так нечего и пить. Что же ты хочешь, они там выросли, и приходят к матери, как и раньше, приходили», – «Да я это понимаю, я тоже прихожу к вам. Но как можно так по-скотски напиваться каждый выходной?! Зачем же обязательно пить и пьяному быть?» – «Ну что ж, тут уж ничего не изменишь. Тебе насильно брагу никто не заливает. Не хочешь – не пей. А с остальным смирись. Не относись к ним как к врагам, узнай их лучше – может они вовсе не плохие люди. А твой Виталик вырос в их семье, и с детства усвоил их привычки, другим он не будет. Но он же не всегда бывает таким пьяным. И не век вы будете жить в землянке». Бабушка всегда умела успокоить. Она ни разу не сказала Зое, что та сама выбрала мужа, что не слушала советов родных, что легкомысленно отнеслась к замужеству, и т. д. Она давала совет, не задевая Зоиною самолюбия, не читая ей морали. Но Зоя и сама всё поняла и горько раскаивалась.

Мудрая была бабушка у Зои. Недаром народная мудрость гласит – если не можешь изменить обстоятельства, измени к ним отношение, и Зоя решила зайти с другого конца.

В следующий выходной, когда собралась вся компания, Зоя лучше рассмотрела своих новых родственников. Она удивилась, насколько они не походили друг на друга. Полина – краснолицая, с густой россыпью веснушек, рыжеватыми волосами, светло – карими глазами с едва заметными бровями. Лиза – с широкими чёрными бровями, чёрными глазами, чистым румяным лицом. И Нина – блондинка с голубыми глазами. Она единственная походила на мать. Старших сестёр объединяло полное отсутствие фигуры – это был куб на тонких ножках. Виталька не походил ни на одну из сестёр, зато походил на отца, судя по портрету на стене.

Но расспрашивать об этом Зоя никого не стала. А ещё, свекровь всех своих детей звала – Польшка, Лизка, Нинка, Виталька. Любила она их, несомненно, но проявлять нежность, ласку и чуткость, даже простое сочувствие – в этой семье было не принято. Зоя это поняла.

ПОЛИНА И МИХАИЛ

Пролетел декабрь. Новый год решили встретить у Полины. Ничего нового, только вместо браги водка. Зато у них был телевизор, и можно было посмотреть Голубой огонёк. Когда их мужа уснули, женщины разговорились. Зоя попросила: «Полина, расскажи, как вы с Михаилом поженились». – «Рассказывать-то особо нечего. В 43 —ем году, мне было 16 лет, как раз недавно я окончила 7 классов, и я устроилась на завод в цех, где шили рукавицы. Отец, единственный кормилец, умер, мама денег не получала. Есть было нечего, а за нитки на базаре можно было купить еды. Вот я и украла 2 катушки ниток. За это мне присудили год исправительных работ. И стала я заключённой, как клеймо на меня поставили. Шила я всё те же рукавицы, только зарплату не получала, да домой не отпускали. А судимость приклеилась ко мне, ни снять, ни забыть. Вернулась домой в 44-ом году, мне уже исполнилось 17 лет. Михайло мой с 23-го года. В 18 лет попал в тюрьму за драку. Ему в тюрьме выбили все зубы. В 42-ом году он написал заявление о помиловании и пошёл добровольцем на фронт прямо из тюрьмы. Эти добровольцы почти все сложили головы. Их посылали на самые опасные задания. Вот и его зачислили в разведку. А он даже не знал, как из винтовки стрелять и боевого опыта никакого. Ну, обучили на скорую руку, и отправили в рейд, там он поневоле научился убивать ножом и штыком. Так и воевал, а в 43-ем – его самого немецкий разведчик ударил ножом в спину, и не один раз. Пока его доставили в медсанбат, Михайло потерял много крови. Ему сделали несколько операций, не надеясь, что он выживет. Но он был молодой и его организм справился. Он выжил. Но пролежал в госпитале целый год, и выписался незадолго до конца войны. Нас познакомил его отец в конце 48-го года. Мне было 21 год, а ему 25. Ни о какой любви и речи не было, нас связывало только то, что мы оба были судимые. В 49-ом, мы расписались, Михайло пришёл в ЗАГС с отцом – едва на ногах стоял – такой пьяный. А что было делать, выбирать-то из кого было, да и не красавица я, и в тюрьме отметилась. Никакой свадьбы не было. Я сменила фамилию, паспорт, и почувствовала себя по-настоящему свободной. Устроилась на „железку“ дежурной на переезд. Потом, окончив краткосрочные курсы без отрыва от производства, стала дежурной по станции. Он стал работать шофёром. Привыкла я к нему. А ты Витальку береги. Он добрый, мастеровитый. А что выпить любит, так, кто сейчас не пьёт? Жили мы в землянке в нашем муравейнике, пока нам не дали комнату в коммуналке. В 50-ом родилась Людмила, а в 53-ем – Галка. Бил он меня попервости, да я ему сказала, что ещё раз тронет, убью его пьяного, я тюрьмы не боюсь, и там люди живут. Помогло, бить перестал, но пить и гулять – нет. А 3 года назад ещё и сына ему родила. А он никого не любит – ни меня, ни девок, только сына. Теперь вот квартиру 3-х комнатную дали на проспекте Космонавтов. Вот так и живём». Тут и Михаил встал, и Витальку разбудил, и начали всё снова да ладом. Так и встретили 1961 год.

К концу января Зоя почувствовала головокружение и тошноту по утрам. Потом пришло отвращение к любой пище, и она поняла, что беременна. Виталька обрадовался. А Зое с каждым днём становилось всё хуже. Её организм не справлялся с перестройкой. Начался сильнейший токсикоз. Голодное детство аукнулось. Вынужденное сидение на занятиях и недостаток свежего воздуха, плохое питание из-за постоянной тошноты, частенько приводили к кратковременной потере сознания. Стало побаливать сердце. Она стала раздражительной, часто плакала. Даже некоторые мелодии с магнитофона вызывали рвоту. В то время лекарство от токсикоза никто не выписывал.

Родные успокаивали, что скоро всё пройдёт, но в это не верилось. Она могла пить только томатный сок. Свекровь на это говорила: « Мы ране-то, сроду, никакого сока не пивали, и рожали, а теперь больно нежные стали». Зоя молчала, у неё просто не было сил и желания спорить. Пошла к маме, и она дала рубль на сок. стакан сока стоил 10 копеек. А муж по-прежнему требовал выполнения супружеских обязанностей. Она ненавидела его за это. Он

ей не сочувствовал, не жалел её, видя, как ей плохо, он просто не умел это делать. Это было обидно, но ничего изменить она была не в силах. Учёба отнимала много сил, но в училище ей было легче, домой её ноги не несли. Училась она по-прежнему хорошо, и её иногда отпускали домой пораньше, тогда она заходила к родителям, и была у них до вечера. Мама, конечно, жалела дочку, но каждый должен проживать свою жизнь сам. У каждого человека свой крест, и нести его приходится столько времени, сколько отпущено судьбой или Богом.

12 апреля запустили в космос Ю.А.Гагарина. Это был всенародный праздник и всеобщее ликование. Люди выходили на улицу, поздравляли друг друга, пожимали руки, обнимались, подбрасывали вверх свои шапки, кричали «ура». Радио, телевидение, газеты – передавали срочные сообщения о первом в мире лётчике-космонавте, побывавшем на орбите и вернувшемся на Землю. Было чем гордиться жителям нашей огромной страны.

ОКОНЧАНИЕ УЧИЛИЩА. РАСПРЕДЕЛЕНИЕ

А на землянках жизнь шла своим чередом. Каждый выходной гости, пьянка, курево. Зоя была инородным телом в их семье и в эти дни просто уходила к родителям или к Люсе. Люсино спокойствие и рассудительность оказывали положительное влияние на Зою. Они бок о бок провели почти 2 года, и в горе и в радости, знали друг друга, как никто другой. Люсе можно было рассказать всё то, что и матери не расскажешь. Такая дружба не забывается.

В мае ребёнок зашевелился, и тошнота стала проходить. Зоин организм, наконец, перестроился. Живот был уже хорошо виден. Бабушка сшила широкую юбку на резинке. Зоя была в ней, как самоварная баба. Зато она успокоилась, перестала плакать, есть стала нормально. А тут и гос. экзамены подоспели. Она успешно сдала их, и получила Диплом и Похвальную грамоту. Директор – Фаина Семёновна, вручая грамоту. С сожалением сказала, что собиралась рекомендовать Зою для обучения в пединституте. Что-то кольнуло Зою, но тут же забылось.

Люсю Галанову распределили на работу в деревню Кашино Свердловской области. Зоя пообещала при первой возможности приехать к подруге в гости. Но сдержать своё обещание Зоя смогла лишь через 3 года. А её направили на работу в детский сад на Уралмаше, очень далеко от дома. Воистину, найти своё место в жизни легче, чем занять его. Приходилось рано вставать, и долго идти пешком. Но уже наступило лето, весенняя распутица кончилась, и ходить стало хорошо, если бы не груз на талии. За час она с трудом доходила на работу. А надо было ещё отработать смену или две. Но через месяц, в начале августа, ей дали декретный отпуск. Слава тебе, Господи! На отпускные деньги молодые родители купили небольшой телевизор Рекорд. То-то радости было! Обживались потихоньку. Но радовались они зря.

Телевизор в те года был настоящей головной болью. Антенна к нему в форме рогатки подключалась к телевизору. Чтобы появилось изображение, эту рогатку крутили и вертели по-разному, то раздвигая, то сдвигая её рога, то переставляя саму антенну. Потом начиналась морока с настройками. Лампы внутри реагировали на перепады напряжения, а они имели место всегда. То плохая яркость, то контрастность. То лампа какая-то сторела, то предохранитель. Это вообще беда. Запасные лампы и предохранители были в большом дефиците, поэтому приходилось везти телевизор в мастерскую. А это опять деньги, которых всегда не хватало. Да ещё были случаи, когда детали нового телевизора заменяли старыми, а новые продавали. Вот такая техника была в то время. На очереди была стиральная машина. Все знают – ничто так не отравляет бытие, как быт, а для молодых супругов – это камень преткновения, и один из них – стирка в первобытных условиях. Но с машиной пока придётся подождать из-за нехватки денег, хотя она была намного важнее телевизора, ведь кроме семейного белья, скоро придётся стирать пелёнки-распашонки.

К родителям Зои приехали гости – мамин брат Алексей, кадровый военный, с ним жена и двое сыновей, а на выходные приехал и второй мамин брат, Виктор с семьёй. Бабушка была счастлива: из 5 её детей после войны остались в живых только эти трое, и они сейчас были все вместе. Зоя пришла к маме днём повидаться с родными, когда Виталий был на работе. Гости сидели на крылечке. Увидев Зою, дядя Алексей встал, засмеялся и сказал: «Это чей такой пузатик к нам пришёл, только не говорите, что это наша племянница». «Наша, наша эта маленькая мамочка», – подошёл с другой стороны дядя Виктор. И они чмокнули Зою в щёки с двух сторон. Зоя много времени проводила с ними, они все вместе ходили в лес и на озеро, играли в мяч и бадминтон. Ей было так хорошо, она пребывала в обстановке, привычной с детства, всё время ощущала ласку, внимание и заботу, то, чего она была лишена дома. Дядя не узнавал свою племянницу, такой замученный вид у неё был. Живот был большой, растянул ей все мышцы, и носить такую тяжесть перед собой, учитывая её собственный вес, было нелегко.

Начали готовить приданое для малыша, это сблизило их с Виталиком. Дядя Алексей дал им денег на приданое для младенца. Купили кроватку с матрасиком. Сшили тоненькую подушечку. Потом купили розовой байки, другой-то не было, на пелёнки и ползунки. Выкройку ползунков Зоя нашла в журнале Работница. В продаже тогда ползунков ещё не было. Шить пошли к Полине. Выкроив ползунки, стали рассуждать, чем их обметать. Виталька настоял обшить ползунки чёрными нитками, так, мол, будет красивее. Зоя не стала спорить. Распашонки сшила и обвязала крючком мама. Бабушка наготовила подгузников и запасных пелёнок из старых простыней, и сшила красивое ватное одеяльце из ярких лоскутков. Дядя Виктор подарил байковое одеяльце и пару тёплых кофточек. Полина сшила белый пододеяльник, отделав его тонкими кружевами по вырезу, а свекровь связала две пары малюсеньких шерстяных носочков. Сама Зоя сшила чепчики. Ванночки в то время были только оцинкованные. Достали марганец, детское мыло и крем. В общем, приготовились. Не один раз Зоя перебирала эти вещички, рассматривала их, такие малюсенькие. Какое же это было удовольствие! Оставалось ждать роды – была уже вторая половина сентября.

РОЖДЕНИЕ ПЕРВЕНЦА

И тут Зою положили в больницу. При очередном осмотре у неё обнаружили шумы в сердце. Диагноз – сердечная недостаточность – тяжёлый токсикоз не прошёл даром. Виталька приходил в больницу через день, ведь ему приходилось далеко добираться с работы, а потом до дома. Палата была на первом этаже. Он, приходя, каждый раз спрашивал: «Ну, ты что не родила ещё?», на полном серьёзе, и уходил разочарованный. Он наивно думал, что родить ребёнка, как в туалет сходить: родила, мол, и сидит на окошке, поджидая мужа. Соседки по палате смеялись: «Ну и дураки, эти мужики». Она и правда переживала уже вторую неделю, а может, просто срок неправильно определили, тогда это было не редкость. Ни разу муж не спросил, как она себя чувствует. Лучше бы не приходил. Так она ему и сказала, когда он пришёл в очередной раз: «Когда ребёнок родится, тебе сообщат», а сама думала – скорее бы! Тогда ещё не было УЗИ, и определять пол ребёнка не умели, а узнать заранее, кого они с Виталькой ждут – очень хотелось.

Целых две недели пролежала Зоя в больнице. И вот, наконец, промучившись вторую половину дня 11 октября и всю ночь, в 6.30 утра 12 октября, она родила мальчишку весом 3,600 и длиной 53 см. Акушерка сказала Зое: «Ух, какой богатырь, будет мамке опорой в жизни». Роды были такие тяжёлые, и она потеряла так много крови, что вместо 56 положенных дней послеродового отпуска, ей дали 72 дня.

Зою привезли в палату, помогли перебраться на кровать. От потери крови шумело в голове. Помня о своём предыдущем состоянии, она не пыталась открыть глаза, просто наслаждалась уходящей болью, словно неведомым лакомством. Что ни говори, а во всём есть положительная сторона. Ей хотелось спать, никого не видеть и ничего не слышать. Напрасные надежды. Принесли детей на кормление и её сына положили рядом с ней. Она с трудом открыла глаза, и посмотрела на него. Ей не верилось, что этот краснолицый малыш с опухшими веками, завернутый в пелёнки, как в кокон, её сын. Его надо покормить, а у неё, нет сил, даже пошевелиться. Сынишка вертел головкой, широко открывая беззубый ротик всячески проявляя нетерпение.

Собравшись с силами, она повернулась к нему, свободной рукой прижала его к себе, и дала ему грудь. Он жадно присосался, а у неё слёзы капали на пелёнку – ей было жалко себя: «Надо же, он только что родился, а я уже приношу себя в жертву ради него». И, в то же время, любовь к этому маленькому и беспомощному существу охватила её. «Плоть и кровиночка моя. Я мать, а это мой сын Лёня. И он всегда будет моим сыном, сколько бы лет ему не было», – осознала она. Когда его унесли, она уснула, и проспала все 3 часа до следующего кормления, и только сквозь сон почувствовала, что ей поставили капельницу. Послеродовая палата была на 3 этаже.

На следующий день одна из соседок по палате посмотрела в окно и со смехом сказала: «Гляньте, девки, чей-то мужик пришёл – лыка не вяжет, едва на ногах держится, ну и чмо! А ещё в шляпе». Зоя приподнялась и, выглянув в окно, узнала Витальку, промолчала, легла и закрыла глаза. Она не хотела его видеть, и ей было стыдно за него.

Когда Зою с младенцем выписали, за ней приехали на машине отец и Виталий. Молодой папаша взял сынишку на руки, приоткрыл одеяльце, и, увидев, как тот открывает ротик на пелёнку, сказал: «Ой, какая varejka!» Мама Зоя очень обиделась – её бесценное сокровище нельзя так называть.

Малыш оказался на удивление спокойным. Наевшись, он спал до следующего кормления. Свекровь как-то сказала: «Глянь, живой ли Лёнька-то, спит и не слышно его». В то время детей пеленали, укладывая ручки вдоль тела, и ребёнок спал в одном положении. Зоя не знала, что дитя надо поворачивать время от времени с боку на бок. Когда Лёничка просыпался, и Зоя

разворачивала его, он сладко потягивался, поджимая ножки и вытягивая ручки со сжатыми кулачками. Какое счастье испытывала она, глядя на своего мальчика.

Уход за ребёнком в землянке был делом не простым. Воду приносили из колонки на коромысле. До колонки надо было спуститься с пригорка, и пройти через картофельное поле метров 100. За водой ходила Зоя. Как-то раз она попросила Витальку принести воды и мать тут же внесла ясность: « Мы, ране-то, сроду мужиков за водой не посылали!» – И Виталька как лежал на кровати с книжкой, так и остался там же. Повседневная жизнь – показатель душевных качеств человека. Это Зоя хорошо уяснила. Но терпение – страшная сила, когда оно лопнет. Зоя почувствовала, что ярость поднимается в ней, и она высказала этим толстокожим бегемотам всё, что у неё накопилось за год. Когда не хватает слов, выражений не выбирают, а ярость – преимущество сильного характера, и эту силу они признали. Виталька молча встал, и отправился за водой. Воду надо согреть, после купания вынести, а купать дитя надо было каждый день. Стирка пелёнок тоже проблема – стирать приходилось руками и мылом, т.к. ни детских шампуней, ни средства для стирки детского белья не существовало. Вот когда Зоя по-настоящему пожалела, что стиральной машины в доме не было.

ИХ ПРАВЫ

Лёжа без сна, Зоя мысленно перебирала события своего короткого замужества, и поняла, что у Витальки с детства был перед глазами семейный уклад его сестёр. Помогать жене, у них было не принято, и даже считалось зазорным. Младшая сестра Нинка, на седьмом месяце, сидит за столом и просит мужа, растягивая слова: «Воло-одя, достань из ямы карто-ошки». Тот просьбу проигнорировал. Она повторила просьбу ещё пару раз с тем же результатом, при этом, он с угрозой посмотрел на неё. Тогда она поднялась и пошла в огород. Там, прямо под окном, где сидела вся компания, и была глубокая яма. Зоя сильно недолюбливала Нинку, и было за что, но, глядя, как Нинка, неуклюже поворачиваясь со своим пузом, пытается пролезть в отверстие лаза и нащупать ногой хлипкую лесенку, она не выдержала, накинула телогрейку и побежала на помощь. Нинка, наконец, спустилась, набрала большое ведро картошки, тяжело кряхтя, подняла его над головой, Зоя перехватила ведро, стоя в снегу на коленях, и высыпала картошку в мешок. Достав 3 ведра, они дотащили мешок в сени. И никто! Ни сёстры, ни брат, ни мать, не встали, чтобы помочь. Таких примеров она вспомнила достаточно, и решила, что у неё в семье этого не будет. Как-то в выходной, когда матери не было дома, Зоя, постирав пелёнки, попросила Витальку развесить их на верёвке в сенях. Он согласился, но перед этим закрыл дверь на крючок, боясь, что его кто-нибудь застанет за бабьим делом. Зоя засмеялась: «Ну, ты, как партизан. Разве это зазорно помогать жене? Привыкай, у нас по-другому не будет». Но он к этому так и не привык. На любую просьбу помочь, она получала ответ: «Ты чё, сама не можешь?» До поры, до времени.

Как-то с полочки Виталий купил недорогой фотоаппарат «Зенит». Цветных тогда ещё не было. Фотограф он был неопытный, настраивать его не умел, и снимки получались мутные. Но он старался, учился у друзей, возился с проявителями и закрепителями и фотки стали лучше. Правда, после занятий с друзьями он приходил домой на ушах, но это стало уже привычным, и Зоя «не брала в голову». Появилось, вскоре у Виталия и новое увлечение – выпиливание из фанеры лобзиком рамок для фотографий. На стене висел портрет его отца в тёмной и невзрачной рамке. Хорошо потрудившись, Виталий изготовил декоративную рамку, и портрет отца приобрёл совсем другой вид. Руки у него действительно были умелыми. Зоя радовалась – любое увлечение отвлекает его от выпивки, хоть, и ненадолго.

Пролетели 72 дня декретного отпуска, Лёне почти 2,5 месяца. Он уже одет в кофточку, розовые ползунки, полинявшие чёрным после первой же стирки, и тёплые носочки. Виталий сфотографировал его. «Когда вырастет, покажем ему, какой он был», – говорила Зоя. Не хотелось ей расставаться с сыном, но в те времена это было невозможно, надо было выходить на работу. Прожить на одну зарплату было нереально. Кроме того, стаж должен быть непрерывным по многим причинам, поэтому, переходя на другое место, все старались по типу: сегодня уволился, завтра начал работать на новом месте. А кто чихал на эти установки, а заодно и на любую работу, предпочитая не утруждать себя, привлекался к судебной ответственности – за тунеядство.

Смена в детсаду с 7 утра. Идти туда – час. Приходилось вставать в 5,30, кормить малыша и галопом на работу. Хорошо, если работала одну смену, а часто приходилось работать с 7 до 7, и послаблений кормящей матери не было.

Жестокое было время. Зоина грудь превращалась в камень. Сцеживание в сон – час помогало мало. Придя домой, Зоя по неопытности сразу кормила Лёнечку. От такого кормления мать терпела такую боль, когда молоко приливало, что вынуждена была охать и стонать. А у дитя от такого молока животик вздувался и болел. Он стал плохо спать. Это сильно усложняло их жизнь. Ведь, придя домой, Зое приходилось перестирать то, что накопилось за день,

если была вода. Но чаще приходилось идти за водой. Спать ложилась не раньше 11. А тут ещё маленький страдалец плачет и не может спать.

От постоянного недосыпа и переутомления, её качало, как былинку на ветру. Она похудела, подурнела. А Виталий рядом похрапывал – ему ведь утром тоже на работу. В такой обстановке Новый 1962 год не обещал быть лучше, чем предыдущий. Вечером пошли к родителям, проводили старый год, и встретили новый и пошли домой. Ночь была тихой. Падал крупный снег без ветра, как в сказке. Зоя шла и думала: «Красота-то какая! У нас всё наладится, не может быть иначе, пусть не завтра, не сразу, но наладится».

Зоина мама не знала, как помочь дочери. Она пошла к заведующей совхозного детского сада и объяснила ей ситуацию. Через месяц освободилось место воспитателя и Зою приняли на работу. Какое это было счастье! Детский сад располагался в бараке, и групп было всего 2, но это было не важно! Воду для нужд детского сада привозили в деревянной бочке. Туалет для сотрудников на улице. Но это всё мелочи. Тем более что рядом, строился новый детсад на 4 группы. Главное, до дома 10 минут ходьбы, Зоя могла приходить на работу к 8 и в сон – час она бегала домой покормить ребёнка. И работать здесь можно было одну смену! Жизнь уже не казалась, такой уж беспросветной. С первой зарплаты ещё из дальнего детсада, Зоя купила свекрови тёплую кофту крупной вязки, она давно хотела кофту, да всё денег не хватало. Кофта была ярко-красного цвета с белыми пуговицами, и сносу ей не было. Стоила кофта весь заработок Зои за месяц. Но бабушка Лёни заслужила этот подарок. Старушка поворчала, что и так денег нет, но осталась довольна.

В БОЛЬНИЦЕ

И тут новая беда: Зоя поняла, что опять беременна и никакая молочная замена не помогла. Что было делать? Лёньке 5 месяцев, и кругом одни проблемы. Эта операция в то время – драконовский метод доказать, что аборт вреден для здоровья матери, что нужно всех рожать. А когда родился Лёня, Зое выдали полкило манки на месяц на младенца, потому, что в стране не хватало всего, в том числе и манки. Перспективы выбраться из землянки – никакой. А кроме всего прочего, она ещё не забыла тяжёлые роды. Пришлось идти на аборт.

Зоя пришла в больницу в назначенное время. В коридоре уже толпилось несколько женщин, и не только молодых и неопытных. Оказавшись в палате и сидя на кровати, переодетая в широкую и короткую белую рубашку, Зоя подумала: «Как перед казнью, остаётся только глаза завязать и петлю на шею накинуть». Все напряжённо молчали. Наконец, вызвали первую, за ней следующую. Их приводила в палату медсестра или санитарка, бледных, полуживых, как из пыточного застенка. Но вот и Зою вызвали. И тут она поняла, что такое операция без обезболивания. Закрыв глаза и стиснув зубы, она выдержала всё и услышала, как через слой ваты: «Всё, можете вставать, к нам придёте не раньше, чем через полгода». Зоя промолчала. Попыталась встать, но комната, вдруг, завертелась каруселью, и она села, боясь шевельнуться, и ожидая, когда остановится карусель. Подросла санитарка, помогла встать на пол и повела Зою под руку, сунув ей между ног свёрнутую пелёнку, которая тут же окрасилась кровью. «Так вот почему, все возвращаются такие бледные», – явилась нелепая мысль. И всё-таки, она испытала облегчение, что такая серьёзная проблема решена.

На следующий день обитательниц палаты было не узнать. Куда девались страдальцы с мертвенно белыми лицами? Все, наконец, осознали, что всё уже позади и переживали эйфорию. Чего только не наслушалась Зоя в этой палате! И безжалостная оценка мужей и мужиков вообще, и рассказы об умелых любовниках, о разных позициях и позах. Слово «секс» тогда ещё не знали, оно появится в обиходе лет через 20, так что женщины в этой палате называли вещи своими именами.

Для Зои всё это было открытием, но она со стыда сгорала от скабрёзных подробностей, закрыв лицо простыней. Никогда в жизни она не повторила бы этого вслух даже самой близкой подруге. Но её мозг, против её желания, записал эти разговоры, чтобы вспомнить о них, когда она станет намного старше.

После аборта женщины находились в больнице 3 дня, но Зоя ушла на второй день, ведь она была кормящая мать. Но когда пошла в кабинет врача за выпиской, попросила проконсультировать её, как надо правильно предохраняться, чтобы больше не попадать к ним в больницу. Врач ответила, что с контрацептивами в стране плохо. Любое средство не даёт стопроцентной гарантии. Утешила, одним словом. Вернувшись с работы, Виталька спросил: «Ну что, живая? Ну вот! А ты боялась». И всё – ни ласки, ни сочувствия. Но Зоя уже была к этому готова, и решила по этому поводу не рвать душу. Сказала только в сердцах: «Какой же ты бесчувственный и наивный дурак».

Когда мать пошла к соседке, Зоя сказала Виталию: «Завтра пойдёшь с работы, зайди в аптеку и купи презервативов. Я больше на аборт не пойду». Но оказалось, что и эта продукция в дефиците. Тогда Зоя подключила совхозную фельдшерицу, которая обслуживала и детский сад. Она через свои связи достала это желанное изделие, но предупредила, что это тоже не полная гарантия, потому что презервативы все одного размера, а мужчины разные. Они с фельдшерицей хохотали до упада: ну надо же! И здесь мы отстаём от Америки. Зато на какое-то время мир воцарился в их доме.

12 мая Лёне исполнилось 7 месяцев. Он стал такой хорошенький – тёмные брови и серые глаза, как у отца, в меру полненький. Он уже умел сидеть без подушек, пытался ползать по кро-

вати, ел жидкую кашку, маминого молока ему не хватало. И его болезнь стала настоящим ударом. У него поднялась высокая температура, и начался безудержный понос.

Скорая помощь отвезла Зою с сыном в инфекционное отделение. Когда Зоя вошла в изолятор, она сразу вспомнила школу, похожую на каземат, где она проучилась с 5 по 7 класс. Те же тёмно-зелёные стены, низкий потолок, серый бетонный пол и полуслепые окна. В этом склепе стояла одна железная кровать для ребёнка и стул рядом с ней. Матрас обшит толстой тёмно-зелёной клеёнкой. На стуле – стопка пелёнок. В комнате было холодно, хотя в мае уже светило яркое солнце. Положив Лёничку на кровать и укрыв его тощим одеяльцем, Зоя села на стул и заплакала. Вскоре пришла медсестра, взяла жидкость, которая вытекала из малыша и сообщила, что Зое лучше пойти домой – вторая кровать здесь не положена. Дикость какая! Конечно, она осталась, понимая, что ей придётся спать, сидя на стуле, и опираясь на кровать. Оставить ребёнка в таком состоянии, да ещё в такой обстановке, было для неё невыносимо.

Часа через 2 пришла медсестра и сообщила, что у Лёни палочка коли о – 111, иными словами, воспаление кишечника. Ребёнок её уже не плакал, а тихо стонал. Дали ему лекарство, но его сразу вырвало. Стали делать уколы. Зоя старалась облегчить его страдания – брала его на руки, поглаживала ему спинку. Ему становилось легче, и он ненадолго засыпал у неё на плече – до следующего приступа колик. Грудь он не брал, и ей приходилось сцеживать молоко. Организм его совсем обезводился. Зоя попросила кипячёной воды и старалась напоить его с ложки. Приходилось часто менять пелёнки – и днём, и ночью. Лёня лежал в кровати, и был похож на сдутый шарик. На другой день Зое сказали, что придётся сделать ему внутривенное вливание. Его забрали и понесли. Она пошла следом – процедурная находилась на 1 этаже. Дверь прикрыли, но Зоя всё слышала. Она услышала сильные шлепки и Лёня закричал. Оказывается, внутривенное вливание делают малышам в голову, а чтобы проявились вены, его сильно шлёпают по попе, ребёнок плачет, и вены набухают. Какая мать это вынесет! У Зои подкосились ноги, и она села на пол, захлёбываясь от рыданий. Вышла медсестра, дала ей успокоительное питьё, потом помогли донести Лёничку с повязкой на голове.

Вливание помогло, и ночью он немного поел маминого молока и поспал. Задремала и она. Всё это время она ничего не ела, и спала урывками.

Оказывается в больницу с передачей приходил Виталий, но передачу у него не приняли, потому, что инфекционное отделение, да ещё в изолятор, ничего, не принимали. А то, что за ребёнком ухаживает мать, и она тоже, должна есть, – никого, не волновало. Тем более что находилась она рядом с сыном «незаконно».

Утром опять уколы и снова он взял грудь. Она поняла, что он пойдёт на поправку, но не в этой обстановке. Хорошо, что было тепло. Она завернула его в пелёнки, и ушла из больницы. Откуда силы взялись! Она, сама обессиленная, несла сына домой, потому что оставить его там не могла, и остаться там сама тоже не могла. Шла через поле вдоль длинного забора. Ей всё время хотелось присесть к забору, а ещё лучше прилечь, но краем сознания она понимала, что если сядет, то уже не сможет встать. И она заставляла себя идти дальше. Она дошла до маминого дома, отдала бабушке спящего ребёнка, легла на её кровать, и провалилась в сон.

Разбудила её бабушка – она передела Лёню, и Зоя дала ему грудь, и он снова поел и уснул. Вечером Зою проводили домой. Свекровь приняла её в штыхы. Она сказала, что из больницы приезжали и грозились подать на Зою в суд, если ребёнку будет хуже. Но хуже ему, к счастью, не стало – он шёл на поправку. Свекровь сменила гнев на милость, и стала давать Лёньке кипячёную воду с крахмалом. Помогло, понос прекратился только через неделю, но температуры уже не было, и малыш брал грудь. Виталька выносил его на улицу, когда приходил с работы. Больничный лист Зое не дали. Пришлось написать заявление в счёт отпуска, но это – уже мелочи жизни. Главное – удалось спасти её сокровище.

В новом детсаду Зоя прижилась быстро и без проблем. Не зря хорошо училась – она на практике показала свои знания и умения. Дома тоже всё вошло в привычную колею. Пол

в землянке был холодным даже летом, а Лёньку было не удержать на кровати, поэтому Виталик смастерил для сына качели, и повесил эту конструкцию к потолку. Теперь, когда мать была чем-то занята или у неё просто уставали руки, она усаживала Лёню на качели, закрепляла с боков и впереди палочки-ограничители, и сидел малыш, покачиваясь, и держась за верёвки. Ему это поначалу нравилось, но быстро надоедало. Сам он выбраться не мог, и долго сидел в одном положении – печальный, грустно озирая знакомую обстановку. А у Виталия появилось новое увлечение: теперь он на фанерных дощечках выжигал разные рисунки электрическим прибором. Ещё одна радость: наступил июнь, и молодые, выбросив из кладовки в сених весь хлам, переоборудовали эту кладовку под свою спальню. Туда же перенесли и Лёнькину кроватку. Зое захотелось громко крикнуть – свобода!! Как мало иногда нужно человеку для счастья! На травке возле их убогого жилища расстилали покрывало, и Лёничка подолгу играл, сидя на покрывале под тёплыми лучами летнего солнышка. Ему нравилось стучать ложкой по металлической кружке. Бывало, что он стучал ложкой себя по лбу, но, поплавав, он снова принимался стучать, и приходил от этого в восторг. Его родители смеялись, глядя на него. Другими игрушками он играть не хотел. Да и игрушки в то время не могли вызвать интерес у ребёнка – это был примитив, окрашенный в грязные тона. К ним часто приходили дочери Полины – Люда 11-ти лет, и Галка 7-ми лет, они охотно играли с малышом, помогая своей бабушке. Виталий много фотографировал сына, и спустя много лет, Зоя, рассматривая пожелтевшие фото, вспоминала своё раннее замужество.

ЛИЗА И САША

В это лето Зоя повзрослела и похорошела, у неё изменилось выражение лица – оно стало мягче, женственнее. Муж сестры Виталия, Лизы, – Саша, был шофёром небольшого автобуса, который в народе называли КАВЗИК, иногда вывозил всю компанию вместе с детьми на природу, поближе к речке. Там, конечно, накрывали поляну, и без выпивки никак не обходилось, но это всё-таки была смена обстановки, свежий воздух и купание. Этот Саша не пропускал ни одной юбки и всех встречных девушек он называл ласточками. Лиза только улыбалась. Она была самая красивая из сестёр, и знала, что Саша предан ей. Она любила своего мужа, и он нелегко ей достался.

Саша был красавцем, но ленивым и дремучим. Когда Лизе было 16 лет, она влюбилась в него, и, позабыв все наказания своей матери, тайком стала жить с ним. По тем временам это был отчаянный поступок. Он жил в бараке в многодетной семье. Мать его была суровая женщина, и когда Лиза забеременела, она отказалась принять её в свою семью. А Сашка только посмеивался. Лиза выносила и родила сына Юру, и принесла его в ту же землянку. Её все осуждали, мать пилила, да и бивала частенько, но и жалела, конечно. В это же время и Полина с Михаилом жили вместе с ними. А ещё мать, Виталька 12 лет и Нина 9-ти лет. Брага там рекой лилась. Михаил пил ежедневно, мать, Полина и Лиза – за компанию. Захаживал туда и Сашка пить бражку. Мать его не гнала, надеялась, что он женится на Лизе, но он всё посмеивался. Лиза забеременела снова, рожать не стала, поняла, что любимого этим не проймёшь. Аборты после войны были запрещены законом. Пришлось сделать подпольный, после него она выжила чудом. Пока суть, да дело – ей исполнилось 18 лет, и она устроилась на завод, где работал и её любимый Саша. Работала уборщицей в токарном цеху – убирала стружку у станков. Работа грязная и тяжёлая, а платят копейки, но выбирать было не из чего, с образованием 5 классов. В школе она училась во время войны, и когда умер отец, она больше в школу не пошла, а мать и не настаивала, руководствуясь установкой – «мы ране-то...», да и на огороде было полно работы, с которой она одна не могла справиться. Отважилась Лиза пойти в рабочком, рассказала, в каких условиях она живёт с ребёнком, и сообщила, что отец ребёнка тоже работает на заводе. Его вызвали в рабочком и сказали, что если они распишутся, им дадут комнату в коммуналке. И тут Саша не устоял, пошёл против грозной матери, расписался с Лизой, и они переехали в свои шестиметровые апартаменты в квартире на 6 хозяев. Но они были рады и такому жилью, особенно Лиза. В этой комнате они прожили всю совместную жизнь, родили ещё сына Пашку, а потом и дочь Римму. Впятером на пяточке, но зато с любимым Сашей. Вот это любовь и готовность на всё – ради любимого. С милым по душе – рай и в шалаше. Одно плохо – живя с Сашей, и желая ему угодить, она, в конце концов, спилась. Судьба слепа, но бьёт без промаха.

Сестра Полина любила пошутить, и рассказывала смешные случаи из своей жизни: «Сижу я как-то на дежурстве у рации. И тут машинист паровоза задаёт мне вопросы по делу, а я отвечаю. Он и спрашивает – не пойму, мол, мужчина ты или женщина. А я ему: делали меня мужиком, да при закалке треснула, вот с тех пор и хожу в бабах». Голос-то у неё и правда, был низкий.

Приближалась осень, и надо было подумать о тёплой одежде для малыша. 12 октября ему исполнится год, в одеяло его уже не завернёшь. Но с детской одеждой в городе была проблема. Музыкальный работник в детском саду принесла на продажу курточку для мальчика лет пяти. По тем временам это была красота – глаз не оторвать: вельвет из чередующихся красных и чёрных полосок, с красивыми пуговками и широким воротником. А светло красная подкладка из атласа – вообще чудо из чудес. Зоя схватила это сокровище, хотя оно стоило почти половину её оклада. С курточкой была ещё и ярко-малиновая шапочка из тонкой шерсти и с шишечкой.

Прилетев домой, она надела курточку на Лёню, завернув рукава несколько раз. На нём эта курточка смотрелась, как осеннее пальто с отворотами.

Свекровь, увидев эту курточку, долго ворчала и вздыхала, но Зоя стояла на своём. Тёплых курточек для малышей тогда не выпускали, зато шили широкие пальтишки на вате. Эти пальтишки обычно носили с капюшоном, такие капюшоны шила наша промышленность. Они были достаточно тёплые, крытые плюшем ярких расцветок, одинаковые и для мальчиков, и для девочек. Такой капюшон оранжевого цвета купили и для Лёньки. Нелепо выглядели дети в этих изделиях – как куклы на чайник, но выбирать было не из чего.

Вот и лето 1962 года пролетело. В стране случился ужасный неурожай. Начались перебои с продуктами, за молоком, мясом, хлебом, макаронными изделиями – выстраивались километровые очереди. У магазинов всегда с открытия до закрытия стояли очереди, в надежде, что «выбросят» что-нибудь съедобное или полезное. Но, чаще всего, стояли напрасно. Напряжённость в стране возрастала. Власть кляли во все корки, за то, что довели народ до ручки. Поползли слухи, что в Новочеркасске Ростовской области народ вышел на улицу с требованием выгнать правительство в отставку. В руках были и такие лозунги, как «Хруща на колбасу!» Эту демонстрацию расстреляли. Погибло и ранено, было много людей.

В конце сентября Зоя поняла, что снова беременна, акушерка оказалась провидицей – прошло как раз полгода, и она «снова готова», вольная жизнь в кладовке дала свои результаты. Они с Виталием решили рожать. Трудности в стране были и будут всегда, по-другому наш народ и не жил никогда, а жизнь не остановишь, и с природой не поспоришь. Лёньке исполнилось 11 месяцев, он уже ковылял по комнате, держась за что придётся. Родители надеялись, что теперь родится девочка. И начались мучения с токсокозом. Но теперь она стала старше, организм перестроился легче, деньги теперь были у неё, и она могла подкормить себя выборочно. Мешала жить чрезмерная сонливость, особенно, когда она была в спальне рядом со спящими детьми. Она могла уснуть и стоя. Заведующая делала вид, что не замечает Зоиною грешка. Добрая и великодушная она была женщина.

Работа в детском саду Зое нравилась, особенно устройство всяких детских праздников. Ей доставляло удовольствие видеть счастливые лица детей. Вместе с музыкантшей они придумывали интересные сценарии и костюмы к ним. В этих праздниках принимали участие все сотрудники. Организовала Зоя и кукольный театр, кукол в продаже не было, и она делала их из папье-маше, как в родном училище. Тогда же она научила коллег изготавливать теневой театр для детей. И сама с удовольствием забавляла детишек сценками из знакомых сказок с помощью теневого театра. На новогодний утренник пришли родители. Весёлый праздник получился. Лёнька тоже был на первом в его жизни утреннике. Пока мама вела программу, он тихонько сидел на руках у одной из мамаш. В конце праздника и ему дали новогодний подарок. Он взял шоколадную конфету, и, засунув её в рот всю целиком, чуть не подавился. Вот из таких каждодневных мелочей – приятных и не очень – и состоит вся наша жизнь.

И наступил 1963 год. В апреле Зоя пошла в декретный отпуск, и они, наконец, купили, стиральную машинку. Судьба снова улыбнулась им. Зоя любовалась этим «чудом техники», она помнила, как ей жилось после рождения Лёни. И, хотя по-прежнему воду надо было приносить на коромысле, греть, наливать и выливать, машинка, несомненно, была помощницей. Через месяц, они с Виталькой перебрались в свои «апартаменты», в кладовке. Ночью в кладовке ещё было холодно, но они чувствовали себя как в отдельной квартире, и были довольны. Малыш спал в комнате, в своей кроватке – под присмотром бабушки.

И жизнь в родной стране и за рубежом не проходила мимо. В июне с Байконура был запущен космический корабль с Валентиной Терешковой на борту. Поднявшись по трапу, она произнесла: «Эй, небо, сними шляпу!» Валентина пролетала по орбите трое суток, став первой женщиной космонавтом, которая летала одна. Её называли Чайка. Впоследствии, ей единственной из женщин космонавтов, присвоили звание генерал. О ней много писали и показы-

вали по телевизору. В этом же году Н. С. Хрущёву исполнилось 70 лет. В честь него зачитывали здравицы, писали хвалебные речи, посвящённые «дорогому Никите Сергеевичу», даже собирались его родной город Курск переименовать в Хрущёвград. Но не успели. В следующем году его с позором изгнали из Кремля. От любви до ненависти, оказался – один год. В Америке убили президента Кеннеди. Советский Союз и Китай разорвали все отношения. В политике всё как всегда – хвост вытащишь – нос увязнет, нос вытащишь – хвост отсохнет.

РОЖДЕНИЕ СЫНА

Пока ребёнок не родился, мать с ним одно целое. Но и потом их связь неразрывна. А ребёнок-то в мамином «гнездышке» был непросто – настоящее шило, не то, что спокойный Лёня. Живот у Зои редко был в покое, ребёнок постоянно перемещался то в одну, то в другую сторону, толкая маму ножками, и пихая локотками. Ей бы сообразить, что маленькая барышня не вела бы себя так гиперактивно, что внутри у неё энергичный мальчишка. Но они с Виталькой заиклились на девочке, готовили ей приданое, и придумывали девичье имя.

Днём 27-го июня Зоя пришла к бабушке, и сказала, что у неё схватки, но пока терпимые. В это время и мама пришла на обед. «Может скорую помощь вызвать? А то потом можно и не дозвониться – телефон один на весь совхоз, да и машина к нам не скоро доберётся», – забеспокоилась мама. «Неудобно как-то, вдруг ещё не время», – и Зоя отказалась. Часа в 2 ночи она разбудила мужа, и попросила его вызвать скорую помощь. «До утра не можешь подождать что ли?», – недовольно пробурчал он, и нехотя пошёл в контору совхоза. Зоя невольно вспомнила, как её отчим сидел вместе с мамой, когда она мучилась в схватках, старался её отвлечь, поддержать, а тут... Но она отогнала ненужные мысли, и стала собираться в больницу – приготовила паспорт и другие документы. Детское приданое и Зоина одежда к выписке – были давно готовы.

Не в силах дольше ждать, она вышла на улицу – никого. А схватки всё усиливались. Она пошла навстречу скорой помощи. Видимо мама была права, надо было ещё вчера уехать в больницу. Как бы не пришлось на улице родить! Она проходила несколько шагов, потом, согнувшись и приседая, пережидала очередную схватку. Прошла она и мимо маминого дома. «Спит мама и не знает, что я рядом, и меня терзает такая боль», – промелькнула мысль. Она с трудом дошла до конторы, у неё дрожали ноги, и шумело в голове, когда приехала машина. «Ну, и зачем надо было меня будить, раз ты сама могла дойти до конторы?» Чурбан бесчувственный. Что ему можно было сказать на это? У Зои было одно желание – ударить кулаком по его милovidному лицу, разбить его в кровь. Но она молча села в машину, и он пошёл домой досыпать, даже не попрощавшись. Горько на душе было у неё, но предаваться отчаянию было некогда – её мучили схватки. Пока довезли, пока оформили, подоспели роды – в 4,30 утра, 28 июня. Зоя терпела изо всех сил. Выдержала всё. Но когда врач сказал, что у неё родился сын, она расплакалась – так велико было разочарование. Она даже сказала: «Не может быть!». Тогда врач показал ей младенца, который в это время громко кричал, приветствуя новый для него мир. Вес его был 3,250, рост 51 см. Зоя быстро успокоилась – ну мальчик так мальчик, будет у неё два сына – погодки. Вместе вырастут и будут дружить, и помогать друг другу всю жизнь, как её мама и мамины братья.

Зоя спросила врача: «Но почему мой сынок такой оранжевый, а не красный, как его старший брат?» – «Потому, что у него родовая желтуха, это скоро пройдёт, мы ему поможем. Как Вы его назовёте?» – «Ещё не знаю, мы придумали имя для девочки. Теперь придумаем и ему». Зоя попросила доктора позвонить маме и сообщить ей, что у неё теперь ещё один внук. Она назвала сына Сергеем. Когда его принесли кормить, она не утерпела, и развернула пелёнки. Мальчик был такой хорошенький, ладный, и явно походил на неё. Маленький мой сыночек, прости меня, что я не обрадовалась тебе сначала, думала Зоя, у тебя явно будет мой характер, ты такой энергичный. У её Серёжки был пристальный взгляд, и он смотрел на свою мать, не отрываясь. Интересно, что он сейчас видит? – забавлялась она. Все-таки материнство в более зрелом возрасте – это такое удовольствие! Особенно, когда матери помогают её близкие. Зое на это надеяться не приходилось.

И покатило всё как прежде. Поцелуи между супругами давно забыты. Интимные отношения стали напоминать спортивные тренировки: молча повернул к себе, потренировался

на скорую руку, отвернулся к стене и захрапел, не заботясь о чувствах и ощущениях жены. Она вспоминала, как после аборта одна 30-ти летняя женщина спросила у соседок по палате: «Девчонки, а что такое оргазм?», теперь Зоя и сама не прочь была бы узнать, что это такое. Влюблённость Зоину как ветром сдуло. Обострённое чувство несправедливости, протест против любой формы, насилия, неумение прощать обиду – всегда были и будут присущи её характеру. Но теперь она должна думать не только о себе – двое сыновей не должны остаться без отца. Радовало только то, что было лето, тепло, и Серёжка спал в кроватке рядом с родителями в кладовке, а Лёня в комнате на родительской кровати. Лёнька проявлял живейший интерес к братишке. Он никогда не пропускал момент, когда Серёжку освобождали от пелёнок. Он внимательно его рассматривал, поглаживал его тельце, удивлялся, какой братик маленький. Однажды, находясь неподалёку от кроватки, Зоя услышала булькающие звуки. Она подошла и поняла, что её малыш задыхается. Оказывается, Лёня позаботился о братишке, решил, что он голоден, и покормил его хлебом. Хорошо, что Зоя это вовремя заметила.

Пока она была в декрете, достроили и открыли новый детсад, и там была ясельная группа с года и 6 месяцев. Лёню взяли в садик, и свекровь могла отдохнуть, пока не кончится декретный отпуск у Зои. Всем было относительно хорошо.

НИНА И ВОЛОДЯ

Лето пролетело быстро, а с ним закончился и отпуск. Снова пришлось возвращаться в общую комнату. Если летом гости не мешали Зое с детьми, то в одной комнате им всем и без гостей было тесно. Пришла пора прекратить этот бедлам. Зоя была уже не та девчушка, которая плакала в уголке от обиды, теперь она могла за себя постоять.

Она начала с Полины. Поговорила с ней, убедила, что сейчас у них двое маленьких детей, они не должны дышать перегаром, слушать мат и вдыхать дым от папирос. «Приглашай сестёр к себе, у вас 3-х комнатная квартира. А мама в выходные тоже может отдохнуть от малышей вместе с вами». Визиты сократились, а потом и вовсе прекратились. Когда Серёжка подрос, они с Виталием сами ходили в гости к Полине, очень редко к Лизе и никогда к Нине.

Со своим будущим мужем Нина познакомилась, когда он служил в воинской части недалеко от их посёлка. Когда он отслужил, они с Ниной расписались, и он увёз её к себе в Краснодарский край. Прожив там год, и родив дочку, Нина не выдержала издевательства свекрови, и сбежала к матери, её муж приехал с ней. Поселились всё в той же землянке.

Володя по фамилии Портной, был тупой, психопат и садист. И внешность у него была отталкивающая – голова, похожая на старую фасолину, покрытая редким пушком чёрных волос, приплюснутый нос, как у старого боксёра, торчащие заострённые уши, светлые, почти белые глаза под кустиками бровей, и голос тонкий и резкий, как у скандальной бабы. Очень органично смотрелись на этом лице – тонкогубый большой рот и редкие жёлтые зубы. Что заставило блондинку приятной внешности выйти замуж за этого монстра – тайна. Бил он её часто, но не бескорыстно: руку вывихнул – купил платье, глаз чуть не выбил – туфли, за сотрясение мозга – опять покупка. Он напивался раньше всех, и смотрел исподлобья, скрипя зубами. Зоина бабушка всё спрашивала, что же Нинкин портной шьёт, не веря, что это его фамилия. Зоя, смеясь, отвечала, что он ничего не шьёт и не порет, а, только перекраивает Нинкину жизнь.

Не надеясь выбраться из землянки, и получить квартиру законным путём, Нинка придумала аферу. В одном цеху с ней работал пожилой вдовец, который заглядывался на молодую блондинку, не ведая, что перед ним – стерва, с невинным лицом. Жил он один в двухкомнатной квартире в соседнем посёлке.

Великая комбинаторша с её кровопивцем оформили развод, и она благополучно вышла замуж за влюблённого вдовца, у которого не было своих детей, и он принял с открытой душой её маленькую дочь. Но, прожив с ним 6 месяцев, она, неожиданно для него, подала на развод и отсудила у него одну комнату, в которую пришёл жить её Володя.

Создав деду невыносимые условия, постоянные драки и скандалы супругов, теперь уже из-за ревности, они ускорили его конец – он умер от сердечного приступа. А коварная изменщица в это время уже ждала второго ребёнка и вскоре родила сына, точную копию папы Володи. Квартиру оставили за ней. Вот такая аморальная личность. Зоя презирала эту пару и никогда не общалась с ними и в будущем.

Незаметно подоспел Новый 1964 год. В заботах и трудах время быстро летит. Как-то в отсутствие свекрови, Зоя спросила Виталия: «Скажи, а ты не мог бы пить поменьше? У нас мальчишки растут, чему они от папки научатся?» Он ответил, что ему нравится состояние опьянения. Вот так – ни больше, ни меньше. Зоя: «Я думаю, лёгкое опьянение нравится всем, но не напиваться же до беспамятства каждый выходной! И давно оно тебе понравилось?» – «С 8 лет, когда я изредка допивал бражку, из стаканов. Бражка была, сладковатой на вкус. Она – заменяла мне лимонад и сладкий компот. Их у нас – сроду, не бывало. От бражки приятно кружилась голова. А когда у нас стали жить Полина с Мишкой, то допивал из стаканов и чаще». Вот такие дела, детский алкоголизм – ни больше, ни меньше. А когда Зоин отчим говорил ей,

что на землянках постоянно пьянки – гулянки, она ответила, что Виталик её любит, и ради неё пить не будет. Теперь она поняла, что надеяться на это не стоит. Вот так и утрачиваются иллюзии, постепенно, одна за другой.

А, между тем события в мире не стояли на месте. Китайские власти объявили в стране культурную революцию, и советские люди узнали о хунвэйбинах, и их деяниях, о разгроме всей верхушки власти в Китае. Но были и хорошие новости – появились бобинные кассеты с песнями группы Битлз. И вся молодёжь с удовольствием слушала их музыку. У нас в стране тоже случился переворот – был отстранён от власти «дорогой Никита Сергеевич». К власти пришёл «дорогой Леонид Ильич», но пока жить стало не лучше.

ПРИЯТНЫЕ И ДРУГИЕ ПЕРЕМЕНЫ

Для семьи Зои и Виталия год 1964 стал значимым. Зое дали комнату в семейном общежитии. Ей не верилось, что она, наконец, покинет землянку, в которой прожила 4 года и 3 месяца. Пошли смотреть комнату. Дом стоял рядом с маминной конторой. Это был трёхэтажный каменный барак с центральным отоплением и холодной водой. Поднявшись на третий этаж, они увидели длинный коридор. Слева от входа – просторная кухня с большим окном, в которой у стен стояли 5 столов. Здесь же были, также, ванная без горячей воды и туалет, один на всех. Вдоль длинного коридора расположились 5 комнат. Рядом с кухней и была их комната. Вошли в своё новое жилище, и ахнули – какая большая и светлая была эта комната. Широкое окно выходило на детсад – отсюда до работы было 5 минут ходьбы. Одна беда – комната была пуста, и обставить её было нечем. Из землянки они могли забрать только этажерку, старую кровать с досками, пружинный матрас, на котором будет спать Лёнька, и детскую кроватку для Серёжки. Но эту проблему помогли решить родители Зои.

Тогда мебель покупали только на базаре, и изготавливали её кустарным способом из натурального дерева и фанеры. Вид у неё был непрезентабельный, но служить она могла вечно. Наверно в столицах или на каких-нибудь базах, имелась мебель и лучше, но простые люди на неё никогда не рассчитывали – она была им недоступна. Родители купили новосёлам платяной зеркальный шкаф, с широким ящиком внизу. Бабушка подарила комод и невиданное доселе чудо – низкую и мягкую оттоманку с подушками и валиками по бокам – оранжевого цвета. Стол купили сами новосёлы. Какая прекрасная получилась комната! Пружинный матрас сразу сослали в угол – за шкаф, и прикрыли занавеской. На стол застелили скатерть, подаренную ещё в училище, и дождавшуюся своего часа. На этажерке красовались вышитые салфеточки Зоинной работы. Теперь она начала срочно вышивать большую салфетку на комод. Радость затопила хозяйку этой замечательной и уютной комнаты. Она готова была обнять весь мир. Когда у человека ничего нет, он довольствуется малым и его легко осчастливить. У них ещё много чего не было: электроплитки, на которой предстояло варить еду, кастрюль, чайника, столовой и чайной посуды. Зато, какое удовольствие было – постепенно покупать всё это. А пока приспособились к тому, что есть, им не привыкать. Но неисповедимы лабиринты жизни.

Не сразу заметила Зоя, что Витальку совсем не радует то, что радует её. И комнате этой он не был рад. Он скучал по своей матери, по той обстановке, в которой прожил всю жизнь. Вряд ли он и теперь понял Зою, которая пережила то же самое 4 года назад. Зато она его хорошо понимала, и не запрещала ему бывать на землянках чаще, чем ей хотелось. Утром он относил Серёжку к матери, а после работы, не заходя домой, шёл туда же. Приходил оттуда с Серёжкой на руках – хорошо навеселе, спустя 2 – 3 часа. Зое не могло это понравиться, но она пока терпела, надеясь, что он привыкнет к новому жилью. Умение промолчать в нужный момент, когда хочется накричать и хлопнуть дверью, для женщины – большое искусство. Этому надо учиться всю жизнь.

У Виталия, как и у его отца, была наследственная предрасположенность к желудочно-кишечным заболеваниям. Он иногда жаловался на боли и жжение в животе: кишки болят, говорил он тогда. По этому заболеванию он состоял на учёте в заводской поликлинике. Спустя пару месяцев после переезда, ему дали очередной отпуск и путёвку в Сочи. Зоя не возражала, и он поехал. Поездка с дорогой заняла почти месяц. Зоя ожидала увидеть его отдохнувшим и здоровым. Но муж приехал печальный и задумчивый. Едва поздоровавшись, он забрал мальчишек и отправился на землянки, а Зоя на вторую смену в садик. Придя с работы, она никого не застала дома и пошла за ними.

Виталька спал пьяный. Хотела его разбудить, но свекровь сказала, что он выспится и придёт. Зоя увидела на столе несколько больших групповых фотографий. Забрав детей и фотки, она отправилась домой. Уложив детей, она села рассматривать снимки, и увидела на всех кадрах, где было до 30 человек и более – рядом с Виталием молодую светловолосую женщину, одну и ту же. Шок! Она испытала шок. Ей всё стало ясно, но она не торопилась обвинять – не пойман, не вор, и она знала, что он может сказать в своё оправдание. Однако их совместная жизнь дала трещину. Он, всегда такой нетерпеливый муж, не привыкший считаться с её настроением или состоянием, не упускавший ни одной возможности остаться вдвоём, вдруг потерял к ней всякий интерес. Она поняла – он любит и тоскует. Зоя растерялась.

Теперь Виталька и дневал и ночевал у матери. Забрав из садика Лёньку, она поехала к Полине. Показала ей фотки. Та успокоила Зою: «Ездила и я по путёвке и видела, как там бабы на мужиков вешаются. И Виталька, может, клюнул на бабёнку, и сейчас скучает. Но куда он не денется. С него не убудет. Мой Михайло как гулял! А потом домой приходил, и снова жили. Пережди, и всё наладится. Не поехал же он с ней, домой вернулся» – «Так она наверняка замужем, потому он с ней и не уехал» – была уверена Зоя. Вернулся-то он, вернулся, да не к ней, а к матери своей и сыновьям, подумала Зоя. «Забрать бы детей, и уехать бы куда-нибудь подальше», – впервые подумала она. Остаться одной в своей уютной комнате не было сил.

И тут она вспомнила о своей подруге Люсе и решила навестить её, они не виделись 3 года. За это время Люся ни разу не приезжала к ним в посёлок. Её мать с Ванюшкой изредка бывали в Кашино, и Зоя узнала от неё, что у Люси частный дом, муж и две дочки. Расспросив Люсину мать как добраться до Кашино, в ближайший выходной, взяв 2 дня отгулов, она забрала Лёню, и поехала к подруге. Стояли жаркие дни. Добираться пришлось долго и нудно. Сотовых телефонов тогда не было, да и домашние были далеко не у всех, так что предупредить Люсю о своём приезде Зоя не могла. С трудом нашла она улицу и дом, где жила Люся с семьёй. Лёнька тоже устал, и спал на её руках, да ещё сумка с подарками, и каблуки на уставших ногах. Ну, наконец-то они у цели.

Открыв калитку, Зоя увидела заброшенный двор, и сильно удивилась – аккуратистка Люся никогда бы не допустила такого. Она удивилась ещё больше, когда увидела давно не мытое крыльцо. Открыв дверь, она не сразу поняла куда попала. Посреди большой комнаты стоял стол, у стены – детская кроватка и в ней пищал ребёнок, на полу ползало какое-то жалкое и лохматое существо. У другой стены стояла большая кровать, больше похожая на запущенное гнездо. За столом сидели двое – мрачный молодой мужчина и не чёсанная, кое-как одетая женщина, между ними стояла начатая бутылка водки, рядом с ножкой стола валялась пустая бутылка. Из закуски – разломанная буханка хлеба. Женщина обернулась, и Зоя с ужасом узнала в ней свою задушевную подругу Люсю. Та тоже увидела Зою, кивнула головой, и, показав на свободный стул, просипела: «Садись, выпей». Ошалевшая от потрясения Зоя, положила измученного Лёньку на кровать, выбрав, менее замызганное место, и присела к столу. Ей налили водки. «Люся, ты меня не узнаёшь?» – спросила Зоя, стараясь сдержать рыдания. Люся посмотрела на неё, и в глазах её поселилась такая тоска, что сердце у Зои дрогнуло, и ей вдруг захотелось обнять подругу, чтобы взять на себя хотя бы малую толику этой боли, этой тоски, согреть её так, как может согреть лишь чистое сердце, отдав своё тепло. Но она поняла, что согреть чужое тело легче, чем душу. «Выпей», – повторила Люся. Зоя пригубила из стакана, закусила хлебом, и, не сдержавшись, заплакала: «Люся, Люсенька, как же это всё случилось?» Люся, подняв на неё мутный взгляд, сказала: «Судьба меня догнала, не ушла я от неё». Потом, внезапно умолкая и сбиваясь, начала рассказывать ей, о своём житье-бытье за 3 года, что они не виделись. Оказывается, напротив сидел, молча, её муж Толик. На полу – 2-х летняя дочь Катя, в кроватке – 3-х месячная дочь Света.

Люся расписалась с Толиком вскоре после приезда в Кашино, красавец он тогда был. Жил с матерью в своём доме, отец его умер – утонул пьяным на рыбалке. Люся, придя в дом, навела кругом порядок, звала свекровь мамой. Вскоре забеременев, Люся доработала до декретного отпуска, и стали они со свекровью, очень отзывчивой и доброй женщиной, готовить приданое для малыша. Одно омрачало Люсино счастье – её красавец частенько выпивал, но её не обижал, на сторону не заглядывался, получку всю до копейки приносил домой, и Люся не придавала этому большого значения. Когда родилась Катюшка, все были счастливы.

После декрета Люся вышла на работу. Она проработала ещё год, когда к ней в садик прибежала соседка и сообщила, что матери плохо. Вызвали врача – оказалось инсульт. Не приходя в сознание, свекровь умерла. Она стала для Люси второй матерью и доброй наставницей, и Люся искренне горевала о ней. Коротким оказалось Люсино счастье. В их доме поселилось несчастье. Толик запил и уговорил Люсю разделить его горе. Она отпивала чуть-чуть, но постоянно. Толика, как хорошего работника, ещё долго держали на работе, а Люсе это чуть-чуть оказалось достаточным, чтобы через короткое время она уже не могла прожить без водки. Дурная наследственность взяла своё. А тут, ещё – нежелательная беременность. Что будет с её новорожденной девочкой, она не хотела думать.

Подруги проговорили до глубокой ночи. Толик и дети давно спали. Зою с сыном положили на кровать – прямо на покрывало. Она легла, не раздеваясь – рано утром автобус на Свердловск, а до остановки далеко. Остаться ещё у Люси не было смысла – она ничем не могла помочь подруге. Забрать у неё детей – не позволит Виталька, а одна она не потянет четверых детей. Не спала всю ночь, перебирала в памяти моменты их дружбы, и снова возвращалась к жалкому состоянию её подруги. Что за судьба! Как ни пыталась она вырваться из этой безысходности, да видно от судьбы не уйдёшь.

Рано утром Зоя встала. Проснулся и Лёнька – попросил есть. Она отломала ему кусочек хлеба. Оставив сумку с подарками на видном месте, Зоя взяла сына на руки и пошла на остановку.

От переживаний, от голода и бессонной ночи, у неё кружилась голова, мучила тошнота и подкашивались ноги. Наконец-то она в автобусе. В буфете на автостанции она купила пирожков и бутылку лимонада. Они с Лёней поели. Автобус пошёл, сынишка уснул, Зоя посадила его к окну на свободное место, и собралась подремать сама. Но как только она закрыла глаза, её мозг начал вновь прокручивать события прошедших суток, и она заплакала горько и безысходно. Соседка напротив участливо спросила: «Вам плохо? У Вас что-то случилось?» Зоя от слёз не могла вымолвить ни слова, она только махнула рукой, и соседка не стала больше расспрашивать её. Свои неприятности теперь казались ей мелкими и вполне преодолимыми, Люсины – уже ничем не поправишь. И слёзы её лились, принося ей облегчение. Люсины история закончилась печально, как и следовало ожидать. Детей у неё вскоре забрали, её лишили материнства. Через год она умерла от цирроза печени. Об этом поведала Зое Люсины мать.

ОБИДА

А в Зоиной семье всё шло кое-как. Несчастливой оказалась эта долгожданная комната. Однажды, придя от матери, Виталий увидел, что Зоя стоит у плитки, и снимает с бульона накипь. Он спросил, зачем она убирает навар. Она ответила, что навар здесь ни при чём, а накипь надо снимать, иначе в супе будут лохмотья. Виталька заспорил, что его мать никогда не убирала никакую накипь. Спор продолжался и вдруг он с силой ударил Зою по лицу. Такого в их семье никогда не было. Сколько же надо было копить ненависть, чтобы по ничтожному поводу так ударить. Она не заплакала, а сказала: «Не хочешь со мной жить – уходи, или уезжай куда хочешь, дам тебе развод по первому слову». Он опомнился и ушёл в комнату. Она почувствовала – что-то очень важное тогда сломалось в ней, и этого было уже не загладить и не исправить. Трещина, которая образовалась между ними давно, стала ещё шире. Она презирала его, и уже не хотела с ним жить. Но жила, ради детей. Однажды, придя с работы, он, молча сел за стол, налил себе тарелку супа, и начал есть. Зоя вдруг почувствовала, как ненависть поднимается в ней, затопляя её всю целиком: «Взять бы сейчас молоток и ударить его со всей силы, чтобы голова его раскололась». И в это время услышала голос сына: «Мама!» Она ушла в комнату, но руки её ещё долго дрожали: «А ведь могла бы и ударить. Что же дальше будет?».

А жизнь в их коммуналке шла, как всегда – длинные очереди по утрам в туалет и к умывальнику. Очередь в ванную полоскать бельё и купать детишек. А их набиралось целых 7. Беготня по коридору этой семёрки, визг и слёзы в случае конфликта. Но семьи были в основном молодые, на такие мелочи жизни не обращали внимание. Жили дружно, вместе встречали новый 1965 год на кухне за сдвинутыми столами вскладчину. Зоя прожила там год и 4 месяца, но воспоминания о жителях этого коммунального «рая», остались самые светлые.

Острота конфликта в Зоиной семье постепенно сгладилась, жизнь диктует свои условия. Дети их связывали крепче, чем свидетельство о браке. После Нового года Серёжку тоже взяли в ясли. Вроде всё утряслось. Никто из земляночной родни к ним не приходил, но зато снова возобновились встречи у их матери. Виталька уходил туда один, приходил на рогах, злой и молчаливый. Мать споила их всех своей брагой, обеспечив дурную наследственность и своим внукам, и правнукам.

В начале июня 1965 года Зоя пошла в очередной отпуск и решила съездить в гости к дяде Алексею в Новосибирск. Виталий не возражал. Сам забирал Серёжку из яслей, и шёл к матери. А на выходной Зоины родители забирали малыша к себе. Взяв с собой Лёню, она уехала. Отдых – дело хорошее. Зоя пообщалась с двоюродными братьями, которых давно не видела. Лёничка тоже был нарасхват, всем хотелось повозиться с хорошеньким карапузом. И всё бы хорошо, но пошли они как-то к старинным друзьям дяди Алексея – Кузьминым, у которых был 20 – летний сын, избалованный лентяй – Венечка. И влюбился этот оболтус, в Зою. Ей это поначалу даже льстило: она старше него на 3 года, у неё двое детей, а мальчишка надоел ей и всем домашним, что не может жить без неё. А когда Кузьмины на полном серьёзе стали уговаривать её остаться в Новосибирске, и выйти замуж за Венечку – тут уж стало не до смеха. Она попросила дядю Алексея поговорить с Кузьмиными, чтобы они не внушали сыну напрасные надежды, и засобиралась домой. Дядя засмеялся: «Да не обращай ты внимания на их разговоры, он у них единственный сын, да ещё поздний. Я поговорю с ними, они хорошие люди и всё поймут».

Зоя прожила у дяди 3 недели. На прощальном ужине отец влюблённого страдальца загадочно сказал, что приготовил Зое сюрприз, о котором она узнает, когда придет домой. Перед отъездом она отправила Виталию телеграмму, указав дату приезда, номер поезда и вагона. Он её не встретил. Зоя удивилась. Ей пришлось добираться с чемоданом и маленьким сыном,

на такси денег не было. Виталий был дома и, как всегда, пьян. Она спросила: «Что же ты нас не встретил?» Вместо ответа он бросил ей в лицо открытку из Новосибирска, которой было написано, что Зоя не вернётся домой, у неё теперь достойный жених, который любит её и полюбит её детей. «Да ведь это же шутка! Я же вернулась, и никакого жениха у меня нет и быть не может, ведь я жила у дяди!», – смеясь, сказала Зоя. Но Виталий шутить не собирался, он закатил скандал, обзывал и оскорблял её. Потом взял на руки Лёньку и сказал: «Я уйду к матери, а ты выметайся куда хочешь». И ушёл, хлопнув дверью. Вот такая неожиданная встреча, и вот такой подлый сюрприз от не состоявшегося свёкра.

КРАХ СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ

Горькая обида и не заслуженные обвинения, да ещё в такой форме рвали её душу на части. Очень трудно верить в справедливость, когда она не на твоей стороне. Плакать Зоя не стала. Она твёрдо решила положить конец своей семейной жизни. Отпуск ещё не кончился, и она решила действовать. На следующее утро она надела свой лучший костюм, и поехала в педучилище. Фаина Семёновна была на месте. Она сразу узнала Зою, улыбнулась ей и сказала, что рада её видеть. Зоя рассказала ей, что её замужество потерпело крах, но у неё двое детей. Не может ли Фаина Семёновна направить её на работу подальше от Свердловска. Та ответила, что обязательно поможет. Она тут же набрала номер, и когда ей ответили, сказала: «Галина Андреевна, у меня есть для Вас отличный кадр, я за неё ручаюсь. У неё распалась семья и ей надо уехать. Но у неё двое детей, поэтому неплохо было бы обеспечить её жильём», – «Пусть приезжает прямо сейчас».

Оказывается, ехать надо было, в Управление Свердловской железной дороги, а Галина Андреевна Дёмина была старшим инспектором отдела учебных заведений этой же дороги. Зоя поехала. Управление – монументальное здание тёмно-серого цвета, занимало целый квартал. Перед зданием – парк. Широкая, как во дворце, лестница, привела к большому portalу. Просторный вестибюль выложен мраморной плиткой. В глубине ещё одна монументальная лестница, перед которой стояла охрана.

Проход в здание был строго по пропускам, но Зою пропустили, когда она сообщила свою фамилию и куда направляется. Когда они с Галиной Андреевной встретились, они сразу понравились друг другу, и эта взаимная симпатия сохранилась на долгие годы, – до конца их совместной работы. «Решили начать новую жизнь? И куда Вас направить – поближе к Свердловску или подальше?» – «Как можно дальше и поскорее», – «Я хочу принять Вас на должность заведующей детского сада, справитесь?» – «Не знаю, мне всего 23 года, и я работала воспитателем, а заведующую замещала только на время её отпуска, но научиться можно всему – было бы желание, а я буду стараться», – не смутилась Зоя. «Тогда, приходите завтра, с документами, мы Вас оформим, и выпишем бесплатный билет, когда соберётесь в путь, поставите на билет компостер в кассе, позвоните мне, и можете ехать, Вас там встретят».

Окрылённая надеждой, не веря, что всё так быстро решилось, она поехала домой. Надо было уволиться, выписаться, собраться. Хотя собирать-то было и нечего – чемодан так и стоял не распакованный. Когда Зоя пришла в детсад, Зинаида Алексеевна схватила за голову: «Как! Так сразу всё бросить, уехать незнамо куда, с маленькими детьми, в незнакомый город, где все чужие, работа не знакомая. Подумай, на какие средства и где ты будешь жить?» Но Зоя знала, что она справится, всё преодолеет и свет не без добрых людей. Все советы и увещевания не задевали её души. Не все знают, что знания и опыт, накопленные за жизнь, не передать. Каждый человек копит сам свой опыт и знание жизни. Закон жизни – слабые люди надеются на удачу, сильные – удачливы, потому что надеются на себя. Зоя была сильным человеком. Испытания, которым подвергла её судьба, не сломали её, а закалили, подготовили к дальнейшим трудностям, которых было не избежать. Она не думала о них. Не думала она и о Виталии, о том, что с ним будет, когда он узнает о её уходе вместе с детьми. Ей было всё равно. Что разбилось – то не склеишь, а и склеишь – ненадолго – думала Зоя.

Оформлять развод и подавать на алименты она не собиралась, потому что нажилась мужем, и снова залезать в это ярмо, она не собиралась. Забрав Трудовую книжку, она пошла к маме в контору. Мама, выслушав свою дочь, не очень удивилась – она знала решительный характер своей девочки, и обещала ей помочь. Выписку она взяла на себя, и Зоя помчалась домой собирать вещи. У них с Виталием был один чемодан, поэтому остальные пожитки она сложила в мешок, и упаковала его как чемодан. Муж её по-прежнему жил у матери на землян-

ках и Зою это вполне устраивало – она не хотела его видеть, ну, и конечно, она опасалась, что он помешает ей спокойно уехать. Слава Богу, этого не случилось.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.